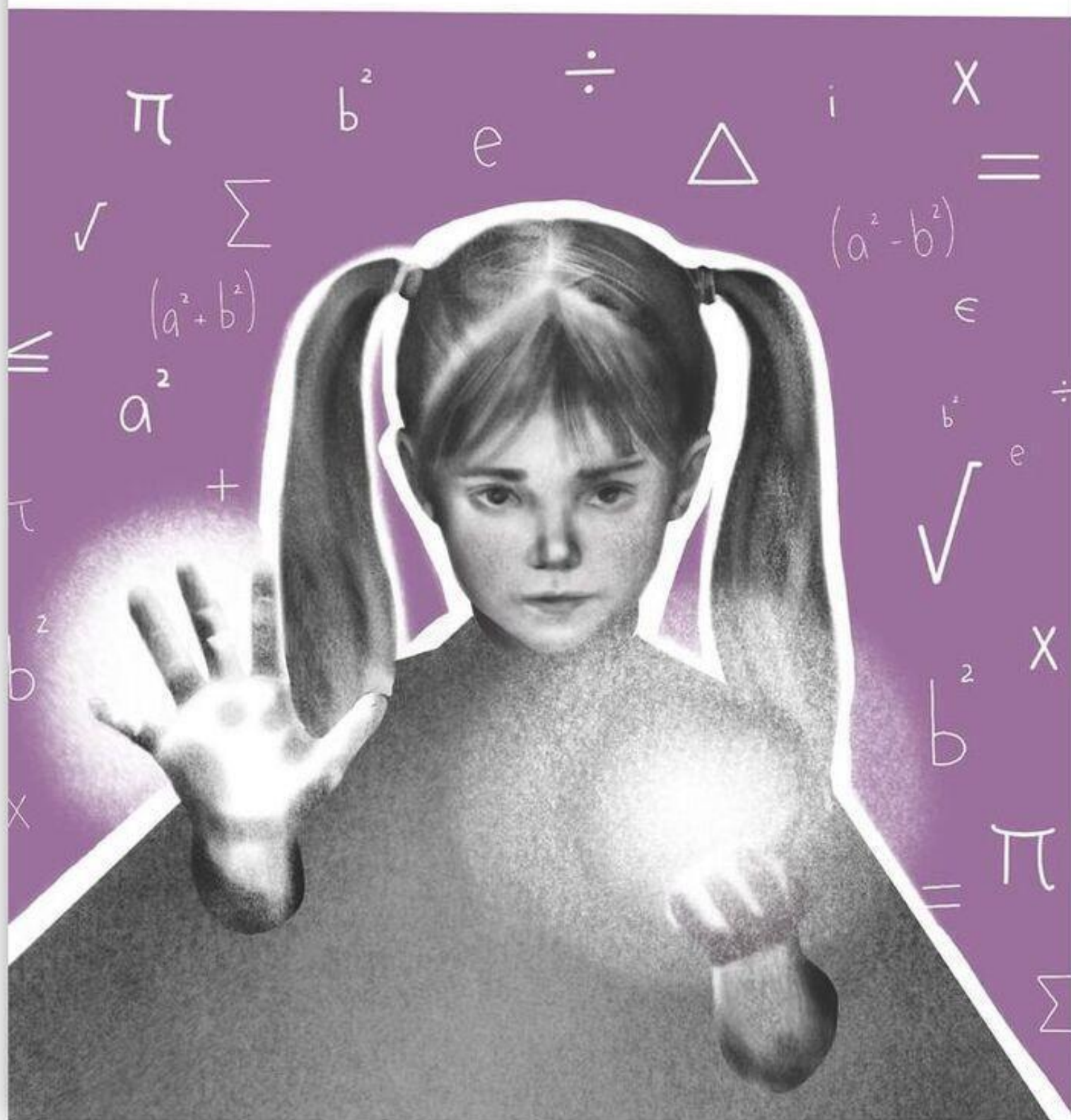

18+ МЕТРИЧЕСКАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ АБСОЛЮТА

Пилип Липень

Пилип Липень

**Параметрическая
локализация Абсолюта**

«Издательские решения»

Липень П.

Параметрическая локализация Абсолюта / П. Липень —
«Издательские решения»,

Вам знакомо выражение «Учёные выяснили»? И это вовсе не смешно! Они действительно постоянно выясняют и открывают, да такое, что диву даёшься. Вот и в этой книге описано одно из грандиозных открытий видного белорусского учёного Валентина Валентиновича: его истоки и невероятные последствия, оказавшие влияние на весь наш жизненный уклад. Как всё начиналось и к чему всё пришло. Чего мы вообще хотим?

© Липень П.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Вероника, школьница	7
1. Секрет	7
2. Добрый и хороший человек	8
3. А однажды	9
4. В четвёртом классе	10
5. Чтобы двойку не получить	11
6. Тюфяк	12
7. Во что верят вампиры?	13
8. Только не горелого	15
9. Выполнять все заповеди	16
10. Парни в длинных одеждах	17
11. Что же тогда останется?	18
12. Глупости какие!	19
13. Даже страшно думать!	20
14. Должна вернуться!	21
Глава 2. Валентин Валентинович, доцент	22
1. Отличное настроение	22
2. Приятно вспомнить	23
3. Держаться корней	24
4. Чай с пирожками	26
5. Здравствуйте, дети	27
6. Фрукты на службе науки и на страже здоровья	28
7. Неужели унюхал?	29
8. Есть решение!	30
9. Прогулка у общежития	31
10. И что будет?	32
11. Ещё и сомневается!	33
12. Правильный спин	34
13. Пока мама не вернулась	36
14. Локализация Абсолюта	37
Глава 3. Виталя, студент	39
1. Зубы зверя	39
2. Как в гамаке	40
3. Прибыльная специальность	41
4. Не за внешность, а за ум	42
5. Ароматный ветерок	44
6. Несчастные лишние килограммы	46
7. Коньяк ему купи!	47
8. Самоуверенная юность	48
9. Странное желание	50
10. Не мелочиться, не торопиться	51
11. Любая влюбится	52
12. Понеслось	54
13. Парень с четвёртого этажа	56
14. В каждую складочку	57
Глава 4. Валера, сантехник	58

1. Гордая старушка	58
2. Слава вундеркинда	59
3. Толстые сволочи	60
4. Без особой надежды	61
5. Да и хер с ним	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Параметрическая локализация Абсолюта

Пилип Липень

Дизайнер обложки Анна Бахарева

© Пилип Липень, 2026

© Анна Бахарева, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-2882-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пилип Липень. Параметрическая локализация Абсолюта

Глава 1. Вероника, школьница

1. Секрет

Вероника так больно стукнулась коленкой о скамейку, что слёзы выступили у неё на глазах. Ой, ничё не больно, курица довольна! Обхватив коленку руками, она сдерживалась — плакать нельзя, когда готовишь секрет. Синяк будет огромный! Хорошо ещё, что не до крови, и колготки не разорвались. Прихрамывая, она пошла дальше, вглубь осеннего сквера, по толстому слою кленовых листьев. Ей было немножко стыдно за своё намерение — секреты пристало делать только маленьким девочкам, первоклассницам, но ведь никто об этом не узнает. Тем более, секрет был другим, совсем не детским. Детские секреты делались вот как: в земле выкапывалась ямка, на зелёный лист лопуха укладывались цветки одуванчика, кусочки его стебля и сложенный рисунок принцессы на цветной бумаге. Тайничок закрывался осколком оконного стекла или отбитым бутылочным дном и маскировался свежей травой. Потом секретом полагалось делиться с подружками, а они делились своими. Главное, чтобы секрет не нашли мальчишки.

Но сейчас её не должен был видеть вообще никто. Заметив, как по дальней дорожке проходят одноклассницы — сидели в библиотеке или в буфете — Вероника укрылась за ближайшим стволом. Рюкзак, набитый учебниками, физкультурной формой и кедами, тяжело оттягивал плечи, и она оперлась им о дерево. Запустив руки в карманы, она перебирала содержимое правого: ключи на колечке, гладкий коричневый каштан, красивый камушек с мраморной прожилкой, два лимонных леденца в шуршащих фантиках. В левом кармане лежал сам секрет, и она бережно прижимала его к бедру.

Девочки прошли, но теперь появился дед, седая белая борода. Часто здесь ходит. Сумасшедший, бродит и смотрит под ноги, а если найдёт каштан — пинает, машет руками. Живёт в соседнем подъезде на первом этаже, роется в мусорках. Вероника однажды видела, как он тянул себе домой старую детскую колясочку. Зачем ему колясочка? Она представляла, как по ночам он качает в ней страшных грязных кукол с треснутыми головами. А они смотрят на него пустыми глазами. А он рассказывает им жуткие-жуткие сказки про смерть. Почему он всегда так медленно! Вероника ждала, пока дед свернёт за угол. Скорее, скорее, скорее. Свернул.

Отыскав под клёном укромную впадину, Вероника разгребла листья и сделала каблуком ямку. Присела на корточки — коленка болела, но уже меньше — и опустила в землю большой лист тополя из левого кармана. Лопухов ей отыскать не удалось, а кленовый не подходил, он бы ничем не отличался от листьев вокруг. Вероника развернула бумажку и перечитала: «дядька мишка михаил смертью страшной ты помри». Вместе с запиской она положила в ямку пластмассового человечка из шоколадного яйца, с беспощадной булавкой, воткнутой в шею. Закрыла острозубым дном от винной бутылки, вдавила в землю. Засыпала листвой, заровняла и отступила на шаг. Никто не найдёт.

2. Добрый и хороший человек

Дядя Миша был новым другом её мамы. Пузатый, губатый, всё время вонючий. Мама говорила, что ему жарко, но разве жарко? Осень наступила, выросли цветы! Всем холодно, а ему жарко. Жарко потому что пузо волосатое. Но пусть бы даже и пузо — дело не в пузе, а в командирстве. Мама говорила, что дядя Миша очень хороший человек, но разве может хороший человек командовать «марш делать уроки» или «давай-ка вымой посуду»? Я сама знаю, когда мне делать уроки. И почему я должна мыть за ним посуду? Кто он вообще такой?

— Мамочка, он больше к нам не придёт? — спрашивала она на следующий день. — Пусть лучше приходит дядя Саша! Почему его больше нет?

Дядя Саша учил её играть в шахматы и рассказывал анекдоты, не всегда понятные, но всегда смешные. А дядя Миша даже не смотрел на неё! Мама отвечала, что дядя Саша уехал в другой город, а дядя Миша в душе очень добрый, ты просто плохо его знаешь пока. Да-да, какой же он добрый, если в воскресенье, когда она попросила маму выслушать разученное стихотворение, он отвернулся и ушёл на балкон курить? Трудно, что ли, было послушать? Дядька Мишка! Вероника мстительно представляла, как его лёгкие покрываются изнутри грязно-коричневыми табачными пятнами, как в рекламе. Чтоб ты с балкона упал, лбом ударился и никогда больше не пришёл!

Но он не падал. Несколько раз в неделю около восьми раздавался двойной звонок в дверь, быстрые ших-ших-ших маминых тапочек по линолеуму, невнятное приветствие — толстыми губищами! — и долгое пыхтение после лестницы. Жирный, жирный, поезд пассажирный! Настроение у Вероники моментально портилось, и хотелось сделать что-нибудь совсем плохое. А эта привычка хватать маму за попу? Маме это не нравилось, Вероника была уверена, но она зачем-то терпела! Она даже смеялась! Ужас.

Веронике приходилось слышать поговорку «любовь зла — полюбишь и козла», и она примеряла её на маму и дядьку Мишку. Отлично подходило, особенно про козла. Но что значит — любовь зла?

— Мамочка, ты его любишь?

Мама уклончиво отвечала всё то же: дядя Миша добрый и хороший человек, правильный, надёжный и трудолюбивый. Чтобы уклониться подальше, она рассказывала, как его ценят на работе — даже в выходные звонят, советуются. Дядька Мишка работал наладчиком станков на заводе, и Вероника воображала, как он, сопя, протискивается между огромными лязгающими машинами, запускает руку глубоко в механизм и что-то подкручивает гаечным ключом. Сузив глаза, она желала, чтобы ему оторвало руку, и тут же зажимуривалась — нет, это уж слишком жестоко!

3. А однажды

А однажды, когда она смотрела шоу в маминей комнате — там стоял телевизор — дядька Мишка вошёл и велел ей идти ложиться спать, хотя было ещё не поздно. Просто чтобы от неё избавиться! Просто доел свои пельмени с кетчупом и теперь захотел телек посмотреть! Ни слова не ответив, она ушла. В тот день мама принесла черешню, крупную, чёрно-красную, и Вероника, выбрав самую большую ягоду, закрылась у себя в комнате. Аккуратно разрешила, достала косточку, и принялась начинать черешню страшным ядом. Немножко серы со спичек, немножко толстой пыли из-под кровати, комочек паутины, измельчённый зелёный мел, карандашный грифель из точилки, крылышки мёртвой мухи. Соединила края чёрно-красной раны и на цыпочках отнесла на кухню, положила на тарелку, рядом с другой черешней. Съешь и отравись, гад! Потом сидела над тетрадкой, не видя букв, и ужасно-ужасно-ужасно боялась, что ядовитую ягоду съест мама...

А ещё однажды, когда дядька Мишка допоздна смотрел то ли футбол, то ли хоккей, и возбуждённый голос диктора мешал ей заснуть, она вошла и попросила сделать потише. Козёл даже не повернулся! Подавшись к телеэкрану, он ловил каждое слово и каждое движение. В белой майке без рукавов, с волосатой спиной, как у Бармалея, с широко расставленными огромными коленями. Пузо-пузо, три арбуза, полтора мешка кишок, пузо село на горшок — затрещал горшок под грузом! Мама сказала вполголоса — подожди немножко, скоро кончится, это же полуфинал. Вероника долго лежала в темноте, открыв глаза в потолок, и ненавидела. Я никогда не буду счастлива, пока он! Время тянулось бесконечно. Она представляла, как её ненависть тёмным облаком проходит сквозь стену и сгущается над дядькой Мишкой, окутывает его и душит. Наконец всё затихло, одни выиграли у других. Свет во взрослой комнате погас — исчезла жёлтая полоска под дверью. Выждав, сколько хватило терпения, она прокрадлась в прихожую и, замирая, нащупала туфли дядьки Мишки. Ошибиться было невозможно — огромный размер и мерзкий запах. Тихохонько, на носочках, назад. Вероника зажгла настольную лампу, достала баночки с гуашью и, послунив кисточку, нарисовала на стельках двух злых, мрачных пауков. Дула, пока не высохло. Чёрные стельки, чёрная гуашь — заметить пауков было трудно, они поблёскивали только под определённым углом. Когда он снова соберётся сюда, кусайте его за ноги, мои паучки! В кровь, в кость! Чтоб дорогу забыл! А ещё лучше — заползите под кожу, внутрь его ног, поднимитесь к сердцу и прогрызите насквозь! Он упадёт и будет лежать, и никто не узнает, отчего он умер. А на похоронах я буду идти сзади всех и смеяться!

4. В четвёртом классе

Вероника училась в четвёртом классе, за четвёртой партой у окна. У парты откидывалась крышка, под ней была полка для рюкзака, но слишком узкая, он влезал туда только в первые дни сентября, когда ещё не надо носить с собой все учебники. Мама рассказывала, что раньше, когда она училась в школе, рюкзаков не делали, и дети ходили с ранцами — это как портфели, но с лямками для спины. И столько учебников у нас никогда не было, — говорила мама. Всё помещалось в один ранец, и ещё бутерброды. А сейчас просто ужас, рюкзак набит доверху, и вдобавок этот мешок физкультурный. Мама жалела её, но если Вероника забывала учебник и получала замечание в дневник, тут уж никакой жалости, только ругание. Противоречие! Не умничай, говорила тогда мама. Давай-ка делай уроки!

Рюкзак не втискивался, и поэтому Вероника, как и все дети, вешала его на спинку стула. Стулья были тяжёлые, с железными ножками, но иногда всё-таки опрокидывались на рюкзак, если сильно толкнуть. А в портфельную полку было противно запускать руку, там всегда лежала гадость вроде сухой мандариновой корки. Мальчишки любили подбрасывать — какую-нибудь палку или скомканную бумажку. Но только не Веронике! Она умела за себя постоять. Как дам по башке — улетишь на горшке!

С Вероникой сидел мальчик Володя, чистенький и вежливый. Очкарик, в попе шарик! Хотя он и не носил очков. Володя ненавидел, когда его называли Вовочкой — из-за анекдотов. Но он был робкий, тихий, и когда его дразнили, не бился, а надо биться. Веронике иногда хотелось его защитить, и даже дружить с ним, но мальчикам с девочками не принято дружить. На переменах мальчишки кучковались, играли в телефонные игры, слушали музыку или просто носились и кричали. Девочки считали мальчишек придурками и слишком маленькими. Другое дело — герои-вампиры из американского фильма! Взрослые, красивые и смелые! И настоящая любовь. Девочки покупали специальные альбомы, в которые надо было клеивать картинки с кадрами из фильма. Картинки продавались в книжном магазине в закрытых пачках — заранее никак не узнаешь, какие кадры тебе попадутся. Но зато можно было меняться. Вероника тоже просила у мамы такой альбом, и мама обещала купить — если за четверть будут хорошие оценки.

Вероника старалась хорошо учиться, но часто делала глупые ошибки, и потом удивлялась — ну как я могла не заметить! Больше всего ей нравилось рисование и литература. У неё хорошо получалось рисовать людей — принцесс и вампиров. Все девочки брали её рисунки и копировали, некоторые даже прикладывали их к оконному стеклу и обводили, чтобы получилось точь-в-точь. А некоторые просили нарисовать что-нибудь себе в тетрадку. Учительница тоже хвалила Веронику. По рисованию у неё были всегда отличные оценки! Литературу вела классная — высокая, строгая, но справедливая. Она любила красный цвет, и в её одежде всегда было что-то красное. Красная классная. Вероника тоже любила красный, и носила по очереди два красных ободка, один глянцевый, а другой тёмный, с зубчиками. Классная умела серьёзно и интересно рассказать о любой книжке, даже о самых весёлых стихах. Она говорила — вы должны задуматься, обязательно задумайтесь. И спрашивала, кому какие мысли приходят в голову. Мальчишки иногда шутили или придумывали глупости, но она даже глупости умела так переделать, что получалось не глупо, а умно, и смех стихал.

5. Чтобы двойку не получить

Ещё ей нравилось мыть доску влажной губкой, аккуратно стирая мел. Когда помоешь один раз, остаются белёсые разводы, а второй раз — уже совсем чисто! Красивая, ровная, тёмно-зелёная. Мыли по очереди, по журналу, и некоторые это не любили, особенно мальчишки. А Вероника — с удовольствием, тщательно. На факультативах, когда очередь не соблюдалась, она всегда мыла сама, добровольно.

Факультативы бывали три раза в неделю, после уроков, и на них можно было не ходить. Но Вероника ходила — дома скучно. Дважды в неделю английский, и один раз православие. На английский приходила почти половина класса, а на православие — человек пять, не больше. Говорили, что этот урок экспериментальный, и его скоро отменят. Вёл факультатив отец Вениамин, седой и старый, с добрыми морщинками. Он носил чёрную рясу и серебряный крестик на цепочке. Мальчишки спорили — что у него под рясой, голые ноги или кальсоны?

Самолет летит,
Мотор работает,
А в нём поп сидит —
Картошку лопает.
А она вкусная,
Да рассыпается!
А в ней червяк сидит,
Да ухмыляется!

И они, хохоча, расходились по домам, обзываясь на остающихся «факами», от слова «факультатив». Дураки. Вероника точно знала: под рясой обычные чёрные джинсы. Она как-то раз уронила карандаш, полезла за ним и всё видела. Ей нравился урок — отец Вениамин сразу запомнил всех по именам, говорил тихо и ласково, на дом ничего не задавал, отвечать никого не заставлял. Он рассказывал о жизни древних людей, две тысячи лет назад — чем они занимались, какие у них были законы и обычаи. Рассказывал о царе Ироде и младенце Иисусе, которого мама прятала в пещере. Настоящая сказка! Как будто даже и не урок.

В конце занятия можно было задать вопросы. Володя — он тоже ходил на факультативы — однажды спросил, правда ли будет конец света? Отец Вениамин ответил, что правда, но что бояться не нужно — если ты жил хорошо, то с тобой ничего плохого не случится. А когда он будет, конец света? Этого никто точно не знает, Володя. Может, завтра, а может, через сто лет. Но жить нужно так, будто суд будет завтра — и тогда ты не пожалеешь ни об одном своём поступке. А зачем тогда делать уроки, если завтра уже конец? Все засмеялись. Чтобы двойку не получить, — засмеялся тоже отец Вениамин. Ведь конца света может завтра и не наступить.

А ещё отец Вениамин говорил, что несчастья в земной жизни — это испытания. И тот, кто не дрогнет и останется хорошим, будет вознаграждён в раю сторицей! Сторицей — значит в сто раз больше. И тогда Вероника думала: как же так? Вдруг дядька Мишка тоже попадёт в рай вместе со мной? Такое запросто может случиться, ведь он вроде бы не делает ничего плохого, того, что запрещается. И как мы тогда с ним вместе? И вообще: надутый, волосатый, вонючий — и вдруг в раю! Фу! Она каждый раз раздумывала, как лучше спросить отца Вениамина, не вдаваясь в стыдные подробности. Но пока так и не придумала. Напоследок отец Вениамин крестил класс, улыбаясь в усы и тихо читая молитву. Он всегда заканчивал урок минут на пятнадцать раньше, и это тоже было приятно. Настоящая пятница, даже занятия сокращённые!

6. Тюфяк

— Ты веришь в это всё? — спросила она в гардеробе у Володи.

— Я не верю! — тут же встряла Катя. — Мой папа говорит, что всё это выдумки, чтобы людей запутать и запугать!

— А он откуда знает!

— Он прочитал много книжек! — и Катя, не дожидаясь возражений, гордо удалилась.

Ой, какая важная, курица бумажная! И кто её спрашивал?

Володя подпрыгнул, поправляя рюкзак на плечах, и сказал, что верит, но не во всё. Если Бог всемогущ, то может ли он сделать такой камень, который не сможет поднять? Слышала такую загадку? Нет, не слышала, а какой ответ? Ответа никто не знает! Надо спросить в следующий раз у отца Вениамина. Они вместе спустились с крыльца. Какое твоё любимое число? Моё — пять. Почему? Потому что это самая лучшая оценка! А твоё? Моё — девять. Почему? Не знаю, просто нравится. И у меня по списку номер девять. Володя жил в соседнем с ней доме, и им было в одну сторону. Интересно поговорить. Но сегодня, как назло, Вероника собиралась зайти к Саше, подружке с пятой парты. От этого ей особенно сильно захотелось пойти с Володи! Но нет. И она сказала: до завтра! Пока, — промямлил Володя. Тюфяк. Мог бы хотя бы постоять и рассказать что-нибудь. А если сложить наши любимые числа? Четырнадцать, ничего не значит. Испугался бы он, увидев мой секрет? А может, и не испугался бы, а наоборот помог.

Вероника пошла к Саше. Она договорилась взять у неё на выходные альбом про вампиров. Саша жила в соседней со школой девятиэтажке и утром приходила раньше всех. Но факультативы не посещала и уже давно была дома. Вероника свернула и пошла в сквер. Как надоела эта зелёная куртка! Навстречу вели собак, сначала двух такс, потом рыжего чау-чау. Таксы хитро косились, а чау-чау шёл гордо, как царь зверей, и ни на кого не смотрел. Мама говорила, что от собак много шерсти, и куда потом девать щенков? Я бы раздаривала — кто откажется от такого красивого щеночка! А шерсть можно собирать и набивать подушки, скоро зима и будет тепло. Она бы нас любила, а на врагов лаяла, а дядьку Мишку укусила. Навстречу вели ещё одну, маленькую, в вязаной кофточке. Мне бы такую собачку, и я была бы счастлива! Её можно даже в школу брать, и гладить под партой, а она будет сидеть тихо или спать. А за ухо можно вплести ленточку. Главное, чтобы собаки не раскопали мой секрет, вдруг собачке повредит. Но, наверное, не повредит, это только злым вредит. Если не поможет — сделаю новый, ещё страшнее, и положу в дупло. Найду дупло.

В подъезде стоял вечный запах капусты. Полутёмный лифт жутко лязгал на каждом этаже, проплывали вниз линии света. Как они только ездят в нём каждый день! Страшно застрять... Намного лучше у нас в пятиэтажке, никакого лифта. Открылся! Темно. Где звонок? Вот он. Звонок сыграл колокольчиками красивую мелодию, Саша открыла, румяная и весёлая. Мы едем в кино! Ты за альбомом? Сейчас принесу. Вышли высокая мама и большой кудрявый папа, улыбались ей: здравствуй, Вероника, как дела? Гордо прошёл из комнаты на кухню старший брат, красивый, как вампир. Из кухни в комнату деловито пробежал младший. Вот альбом! Смотри, сколько хочешь, не торопись!

7. Во что верят вампиры?

— Ну, какие оценки получила? — мама чистила картошку, а дядька Мишка курил в форточку и покашливал.

— Меня сегодня не вызывали. Зато был факультатив.

— И что вам там рассказали?

— Что будет конец света. Это правда?

— Чего только не придумают, чтобы куш сорвать, — дядька Мишка удостоил её взглядом. — Вся эта религия от евреев пошла.

— Это кто такие?

— Народ такой.

— А чем они от других людей отличаются?

— Чем-чем. Народ такой. Как французы или немцы, только древнее. У нас на заводе главный инженер — еврей. Хотя что, хороший мужик, во всём разбирается. Они все умные, и друг за друга горой. Учёные, артисты — почти все евреи. Эйнштейн был еврей. Знаешь, кто это такой? Физик. Вам в старших классах ещё расскажут. И Библию тоже евреи написали.

— Правда?

— Да. Там написано, что они — избранный народ, и Бог любит только их. Если они будут ему верны, то он сделает их счастливыми. И они верят, и ещё больше стараются. Да я б и сам хотел быть евреем! Сразу бы в Израиль уехал, это их страна. Главный инженер показывал фотки — у него там родственники — красивые места! Только слишком жарко.

— Ага, уехал бы, — отозвалась мама, вытирая руки. — Там же у них война постоянно! Заставили бы тебя в окопах сидеть. Твой главный инженер, сразу видно, не дурак — не торопится никуда уезжать!

— А с кем они воюют? — Веронике было жарко в куртке, но она не уходила и не снимала её, боясь прервать интересный разговор.

— С мусульманами.

Дядька Мишка шагнул к мойке, сунул окурок под каплю — пшш — и бросил в мусорное ведро. Вот почему из мусорки так гадко пахнет!

— А это кто, мусульмане? — в другой раз Вероника бы демонстративно ушла, но сейчас любопытство побеждало.

— Это тоже такие народы. Они с Израилем за землю сражаются. Евреи считают, что это их территория, а мусульмане — что их.

— И кто прав?

— Никто уже не разберёт, там всё перепутано. Но мусульман я тоже уважаю — не пьют, не курят, и гордые. И женщин чтут.

— Ага, так чтут, что у каждого целый гарем. Ты бы тоже туда не прочь поехать, да? — мама смеялась, набирая воду в кастрюлю. Красные от воды руки.

— А во что они верят? — перебила маму Вероника.

— Мусульмане? Сам толком не знаю. Вроде бы в предопределение. Что Бог заранее знает всё, что произойдёт. У учительницы спроси, она должна разбираться. Не забудь посолить! — дядька Мишка повернулся к маме. — А то всегда у тебя всё пресное!

Вероника пошла из кухни, повесила куртку на вешалку. В голове у неё путалось: куш, избранный народ, гарем, предопределение. Получается, известно, какие оценки будут у меня за четверть? Зачем тогда делать домашние задания? Всё равно оценки не изменятся! Да-да, это какая-то глупость. Все артисты евреи, а мусульмане с ними сражаются. А если евреи победят, они возьмут себе в жёны тётъ из гарема? Она переоделась в домашние джинсы, свитер и достала из рюкзака альбом с вампирами. А во что верят вампиры? Из альбома выпала закладочка —

сложенный пополам листок в линейку. «Люби цветы, люби их дух, но не люби мальчишек двух».

— Вероника! Картошку будешь?

8. Только не горелого

Суббота выдалась погожая, солнечная, и мама решила, что надо последний раз в этом году съездить на кладбище к бабушке. Они оделись потеплее, взяли маленькую складную лопатку, термос с чаем и яблоки. Ехали на троллейбусе до кольцевой дороги, а потом ещё немного на автобусе. Возле кирпичных кладбищенских ворот продавали с лотков искусственные цветы, пышные, яркие, почти настоящие. У торговки были полосатые вязанные перчатки без кончиков пальцев. Она держала дымящийся стаканчик с кофе и предлагала им купить лилии. Но они выбрали белые астры. Видишь, сказала мама, как они интересно сделаны? На стебелёк насаживаются листики и цветы, вот этими бубочками скрепляются. Вероника шла следом за мамой, рассматривая букет, и снова забыла запомнить дорогу к бабушкиной могиле.

Бабушкина могила была маленькая и скромная по сравнению с соседними, из чёрного мрамора. Крашеный железный крест из круглой трубы, с колечками на концах. Они вошли в калиточку и сели на скамейку. Тихо колыхались травки, летели паутинки. Видишь, как быстро зарастает. Давай-ка вырвем сорняки. Доставай пакет. И мама присела на корточки, тыкая лопаткой в землю, подрубая корешки. Вероника подбирала тельца растений, бросала в шуршащий мешок.

— Мама, бабушка ведь в раю? Ты веришь в рай и ад?

— Даже и не знаю, что тебе сказать, милая, — мама не удивилась вопросу, наверное, сама думала о чём-то близком. — Вот бабушка верила. Завещала, чтобы обязательно крест поставили на могиле, а не просто камень.

— А зачем крест?

— Чтобы ангелам легче увидеть было, где верующий человек лежит. Если креста нету, то ангелы могут мимо пролететь. Видишь, сколько могил! Любой запутается, даже ангел.

— И что теперь бабушка в раю делает?

— Что ей в жизни больше всего нравилось — то и делает.

— Вяжет?

— Может и вяжет. Ну, теперь хорошо, — мама встала и выгнулась назад, уперев руки в бока, потянулась. — Правда ведь, красиво стало? Теперь уже до весны. А вот сюда астры поставим. Сходи, выбрось траву в мусорную яму, а потом чаю попьем. Помнишь, куда идти? По этой дорожке прямо, а потом налево, к забору. Ок.

Вероника скрипнула калиткой и вышла. Стук! К ней на грудь с размаху приземлилась божья коровка, поползла в сторону. Вероника переложила пакет в левую руку и подставила ей палец. Подняла вверх. Божья коровка несколько секунд потопталась, потом расправила крылышки и взлетела.

Божья коровка,
Полети на небо,
Принеси нам хлеба!
Чёрного и белого,
Только не горелого!

9. Выполнять все заповеди

Вечером мама предложила Веронике съездить с ней завтра на службу к протестантам. Её давно звала туда подруга, но мама всё отказывалась да отказывалась, а теперь вдруг собралась. Почему бы и нет? Посмотрим, что там будет. Подруга говорит, что никто никого там не заставляет. Протестанты — это как твой факультатив, только более современно. Службы у них простые и понятные, а не то что в обычной церкви, ни слова не разобрать. Поехали, а то мне одной неловко! И Вероника согласилась — приятно, что тебе доверяют, как взрослой. Везёт мне в последнее время на всякие религии! И откуда только их так много?

Встали рано, ехали на автобусе-экспрессе, вышли у большого белого дома. Мамина подруга, в узких штанишках и пальто с яркими цветами, обрадовалась им, подхватила под руки и потащила внутрь. Все здоровались друг с другом, улыбались, женщины на каблуках, мужчины в пиджаках. Большой зал и сцена, украшенная розами. Мама сказала, что хочет сесть поближе к выходу, на всякий случай, если не понравится. Хорошо-хорошо! — засмеялась подруга. И правда, ничего страшного не было. На сцену вышел весёлый дядька в светлом костюме, поприветствовал всех и порадовался — как хорошо, что в этот отличный день здесь собралось так много друзей. Он прочёл из Библии несколько фраз, коротких и непонятных, и предложил помолиться вместе — поблагодарить Иисуса за то, что он подарил нам жизнь и защищает нас от зла. Подняв лицо и руки вверх, он говорил «спасибо тебе, Иисус!», а зал подхватывал «Аллилуйя!» Что за аллилуйя? Это значит «хвалим тебя», — охотно объяснила подруга. Потом заиграла музыка, все встали и продолжали молиться, а некоторые даже немного танцевали на месте. Потом дядька начал рассказывать о знакомой семье, у которой плохо шли дела, папа пил, не работал, мама болела, а дети плохо учились. Но они нашли в себе силы поверить в Иисуса и начали жить праведно — и Господь сразу начал им помогать. Прошло всего лишь несколько лет, и всё изменилось! Они живут в новом доме, у них машина, папа больше не пьёт, мама выздоровела, дети поступили в институт. И со всеми нами будет так же! Господь сделает нас счастливыми. Главное — выполнять все заповеди.

И снова заиграла музыка, на сцену вышли музыканты и гитарами и микрофоном. Они пели, а все снова молились. Подруга посматривала на маму — ну, как тебе? Мама кивала — да, хорошо! Веронике тоже нравилось. В конце дядька сказал, что заповедь о десятине так же важна, как и остальные. Десятую часть заработанного нужно принести в жертву Господу. Ему не нужны наши деньги, но они есть символ того, что мы честно выполняем Его заветы. И по рядам пустили сумочку, в которую нужно было положить жертву. Подруга положила и передала сумочку маме, и взглянула на неё. Мама достала кошелек и тоже положила.

10. Парни в длинных одеждах

После церкви они вернулись домой, пообедали и поехали в ГУМ за курткой. Пока зарплата не потрадилась, мама хотела купить одежды себе и Веронике. Вероника давно этого ждала, она мечтала о красной куртке, блестящей, прошитой квадратиками. Она ни у кого такой не видела, но явно представляла её — новенькую, мягкую, нарядную. Зелёная надоела ужасно, рукава в ней стали коротки, а подкладка в двух местах порвалась. Одну дырку зашила Вероника, а вторую мама, и вышло одинаково неудачно — чтобы сделать как следует, пришлось бы распарывать наружные швы.

Возле дома видели профессора из соседнего подъезда. Он шёл, размахивая полосатым матерчатым мешком, наверное, в гастроном. Длинное чёрное пальто и серая шляпа. Такой странный! Мама, а почему у него такие брови? Потому что он уже пожилой, у пожилых растут брови и носы.

В ГУМ ехали на метро, две остановки. Все нарядные, взбудораженные. Пёстрая реклама, огромные телевизоры. Перед эскалатором толпа. Держи меня за руку! На проспекте струи людей текут друг навстречу другу, переплетаются. На углу, у Макдона, старшеклассники с разноцветными волосами и страшными пирсингами. В ГУМе — высокие потолки, широкие лестницы, в пролётах продают игрушки и цветы. Они сначала поднялись в детский отдел, но красиво сшитые куртки были только чёрного цвета. Вероника не захотела даже мерить. Чёрный — отвратительный. Ладно, посмотрим в другом магазине. Она устала, настроение портилось. Потом они поднялись ещё выше и смотрели маме джинсы, но все джинсы были на худеньких. Зато перед выходом они купили тёплые полосатые носочки — маме обычные, а Веронике с отдельными пальчиками. Купили мыло и шампунь в полупрозрачных баночках.

По дороге к метро им встретились высокие бритые парни в длинных одеждах. Предлагали книги. Мама, давай посмотрим! Мама недовольно остановилась, а Вероника рассматривала обложку: люди в ярких платьях и гирляндах цветов танцевали и смеялись. Кто это? Парень, от которого пахло приятно и странно, отвечал, что это Кришна и его ученики. Они любят своего Господа, а Он любит их, и все счастливы. Это в раю? Нет, это прямо здесь, на земле. Если ты будешь беззаветно любить Господа, то он даст тебе всё, что ты захочешь! Приходите с мамой к нам в храм, мы расскажем вам поподробнее. У нас вкусные угощения, тебе понравится! Мама потянула Веронику за руку: пойдём! Сходим к ним в храм, мама? Нет, они обманывают. Тоже хотят у нас денег выдурить. Хватит уже того, что утром.

11. Что же тогда останется?

Стояла славная погода, получались хорошие оценки, дядька Мишка не появлялся всю неделю, и с каждым днём настроение у Вероники всё улучшалось. Ей все нравились, и каждому хотелось сказать что-то хорошее, чем-то помочь. Она вымыла пол во всей квартире, ходила с мамой в магазин за хлебом, на уроках охотно отвечала, а на переменах рисовала подружкам принцесс. Она даже защитила Володю, когда на него напал один из классных хулиганов, дразня Вовочкой и толкая. Открыто вступить за мальчика было бы неприлично, и она нарочно подвинулась так, чтобы её тоже толкнули. Козёл! ты меня толкнул! — повернувшись, сказала она с вызовом. И сделала угрожающий шаг. Сама коза! — неуверенно ответил мальчишка с круглым лицом и веснушками.

— Повторюша дядя хрюша из помойного ведра! Тебя мама воспитала и сказала — ты свинья! — говоря это, она надвигалась, исподлобья глядя ему прямо в глаза. Мальчишка что-то забормотал в ответ, но она перебила: — Всю помойку облизал, и спасибо не сказал!

Это было нестерпимо обидно, но вступать в драку он не посмел, сзади уже стояли боевые подруги. Он отступил и пошёл прочь из класса, в дверях обернувшись и выкрикнув: пятница, пятница, поднимаем платица! Они бросились за ним, но он, хохоча, затерялся в толпе гуляющих по коридору.

Володя облегчённо копошился в рюкзаке. За это на уроке географии, когда учительница рассказывала о Китае и упомянула о буддизме, Вероника встрепенулась — ещё одна религия! — и шепнула Володе: спроси, во что верят буддисты? Самой стеснительно, слишком умно, а Володе такое запросто. Учительница, а она кроме географии вела ещё и историю, уверенно ответила: буддизм учит, что земная жизнь есть страдание. Как вы, дети, согласны? Класс зашумел. Кто-то был согласен, а кто-то нет, все заговорили одновременно.

— Хорошо, ребята! А теперь тихо. Представьте, что вам хочется новый телефон, но родители не покупают вам его, потому что вы плохо учитесь и не заслужили. Реальная ситуация? Смеётесь? Так вот, вы хотите телефон и страдаете из-за того, что не можете его получить. И вся жизнь состоит из таких страданий — человеку всегда чего-то не хватает для полного счастья. И Будда, древний мудрец, придумал, как победить страдания — надо отказаться от желаний. Тот, кто откажется от желаний, перестанет страдать и станет счастливым человеком, просветлённым. Как вам нравится такое решение? Кто из вас готов отказаться от телефона, телевизора и компьютера, поднимите руки!

Все смеялись, а Володя сидел с гордым видом — ведь это он задал такой интересный вопрос. Учительница продолжила урок. Китай, Монголия, Корея. Странное у них представление о счастье, — думала Вероника. Отказаться от всего. Что же тогда останется?

На русском языке — диктант. Учительница диктует внятно, медленно, повторяет по три раза. Она хочет, чтобы все получили хорошие оценки. Там, где нужна запятая, делает выразительную паузу. Трудно ошибиться! Володя трясёт ручкой — чернила не хотят идти. Сосёт кончик, быстро-быстро рисует круги на бумажке, но следы остаются белыми. Вероника даёт ему запасную ручку. Учительница смотрит внимательно, но видит, что они не списывают, а по делу. Написали на целую страницу. Диктант закончен! Кладём тетрадки на край парты! До конца урока ещё десять минут, но учиться не будем, просто посидите тихонько. Все довольны. Мы писали, мы писали, наши пальчики устали! Вероника достаёт блокнотик и фломастеры. Лицо жёлтым, волосы оранжевым, платье красным — счастливая принцесса. Фломастеры яркие, но расплываются, пропитывают бумагу насквозь. И не прорисовешь тоненько. Карандаши лучше. Солнце светит в окно, тёплым пятном ложится на парту.

12. Глупости какие!

Побежала новая неделя. Утра стали тёмные, вставать не хотелось. Вероника просыпалась с будильником, и сидела на кровати, опустив голову. Полежу ещё минутку. Одеядо тёплое, тяжёлое, уютное. Но мама входила и начинала складывать одеядо. Вставай! На физкультуру опоздаешь. И одевайся потеплее — сегодня уже заморозки. Вероника повязывала поверх куртки толстый красный шарф. Я самая красивая! Да, заморозки. Бурые листья на кустах, льдинки на прожилках, как будто пушистые. Хрупкие, если дотронуться.

На физкультуре бегали вокруг зала, одна из длинных досок прогибалась под ногами. Считалось, что физрук хранит там кубок с золотыми медалями. Мальчишки говорили, что он — бывший чемпион, а девочки — что у него большая любовь. Физрук сутулый и хмурый, но успехи всегда замечает, хвалит и записывает в журнал — составляет школьную сборную. Играли в баскетбол. Оранжевый пупырчатый мяч, твёрдый, как камень. Вероника побежала, прыгнула и забросила гол, все закричали. В раздевалке — влажный резиновый запах, толкотня, горы одежды на вешалках.

По пятницам класс возили в бассейн, три остановки на трамвае. Трамвай Вероника любила больше всего, даже больше метро — за то, что он ходил по рельсам, как маленький паровоз, за звонок вместо гудка, за весёлые качания. Классная и двое родителей ехали с классом и присматривали, чтобы никто не отстал и не потерялся. Многие были в зимних куртках и в тёплых шапках, боялись простудиться после воды. Толкались, смеялись, кричали! Пенсионеры с авоськами хмуро сторонились и ворчали под нос.

Здание бассейна Веронике не нравилось: огромный серо-бетонный прямоугольник без окон-дверей, с украшениями в виде дурацких девочек в купальниках и с мячами. Ненастоящие позы, пустые каменные глаза. Внутри — неуютный кафель, высокий потолок, стульчики по периметру холла. Все расселись, ожидая конца предыдущей смены. Вероника оказалась в соседстве с Володей. Поставив рюкзак между ног, он достал из него клубок наушников, размотал его и воткнул в телефон. Зазвенело. Володя сосредоточенно вставил чёрные капельки в уши и замер. Звенело. Невнятные голоса.

— Что ты там слушаешь?

Не слышит. Вероника толкнула его локтем.

— А? — он вынул правую капельку и держал её на весу. Смотрел на Веронику. — Что ты сказала?

— Что ты там слушаешь такое?

— Блэк метал. Хочешь? На, — он протянул капельку.

Вероника вставила её в ухо, и звон превратился в визг и скрежет, невнятный голос — в агрессивный рёв. Она несколько секунд послушала и вернула.

— Ужас! Как ты это выносишь? Уши не вянут? Разве это музыка?

Фрагмент исключён из настоящего издания согласно статье 20.3 КоАП РФ.

13. Даже страшно думать!

Самое лучшее в бассейне — это душ, так считала Вероника. Душ-шум, говорила она про себя. Шум такой сильный, как будто сразу десять сильных ливней! Чтобы сказать, нужно кричать. А пар такой густой, что не видно двери напротив. Лейки душа, облезлые, торчат высоко-высоко, и вода с высоты падает так сильно. Струи давят на плечи, тяжёлые и горячие. Почти больно иногда. Дома по-другому, тонкие и слабые! Вероника готова была нежиться под этим душем хоть целый день, но тренер входила и торопила их. В самом бассейне зябко и скользко, пахнет хлоркой. Синяя вода кажется холодной, и страшно спускаться в неё. Мальчишки хохочут над Сашей:

Саша-дура, хвост надула
И по речке поплыла.
Как увидела акулу —
Сразу трусики сняла!

Уроды! А вода не такая уж и холодная. Тренер — это тоже физрук, только водный. Тошная, в синем спортивном костюме, с длинной пластмассовой палкой — чтобы помогать плавать. Классная в сентябре обещала, что всех быстро научат плавать. И где? Нету! Возьмитесь за бортик, болтайте ногами — разве это плавать? Главное — не глотнуть! Противно, а вдруг кто-нибудь написал? Они могут, вон как улыбаются довольны.

Потом снова мылись, вытирались, сидели по очереди под феном, кутались в свитеры и шарфы. Ехали назад в школу. У школьных ворот Вероника вспомнила, что принесла Саше альбом с вампирами, вернуть. Саша взяла альбом и пригласила её в гости на часок. И снова кудрявый папа, добрая мама в очках, надменный братец. Угощали пирожными и кока-колой, солёной соломкой. У них был огромный телевизор, как в магазинах, и все вместе смотрели мультики. Какая счастливая семья, — думала Вероника. Когда я вырасту, у меня будет такая же.

Она возвращалась домой уже в потёмках. Лужи блестели в лучах фонарей, а шаг сапог был особенный, такой бывает только по мокрому асфальту, только вечером. Смотрела на свой дом сквозь ветви деревьев, на светящиеся жёлтым окна. Жёлтые и белые, а кое-где синие, от штор.

И вдруг подумала: если горящие окна составят крест, то мама умерла!!

От отчаяния взбухли слёзы, луч фонаря превратился в круговую радугу. С тоской она искала крест: это не крест, это не крест, и это не крест. Нет креста! Всматривалась с облегчением, всматривалась со страхом — а вдруг сейчас загорится новое, и получится крест? Окна гасли, вспыхивали, составляли новые узоры. Крест! Нет, у настоящего креста нога снизу, а у этого сверху, так не должно быть. Наконец в просвете ветвей взгляду открылись окна их квартиры. Чёрные! Чёрные! Пустые! Мама лежит там, в черноте! Даже страшно думать! Лучше мне самой умереть, не так жутко!

Глупости. С чего бы ей лежать? И почему в темноте? Если бы она упала, свет бы остался гореть. И вообще, мама у дядьки Мишки! Не настолько же он козёл, чтобы она умерла!

14. Должна вернуться!

Да-да, у дядьки Мишки. Иногда по пятницам мама ночевала у дядьки Мишки, и Вероника оставалась дома одна. И если летом можно было лечь спать пораньше, ещё засветло, и проснуться уже в субботу, то что делать осенью? Тоска и тревога. Подъезд. Яркий свет на лестничных площадках только подчёркивал, как будет темно сейчас в квартире. Свет насмехался! Или ухмылялся? Или молчал от ужаса? Щёлк-щёлк ключ в замке. Темнота распахнулась и замерла — звала в себя.

Где выключатель? Скорее!

Вероника зажгла лампу, и как раз в этот момент запиликал телефон. Она захлопнула дверь, стащила сапоги и побежала в комнату. «Верунка, я сегодня в гостях у дяди Миши, приеду завтра к обеду. Найдёшь, что покушать? Как в школе? Ну пока». Всё понятно. Если мама зовёт её Верункой, то она уже выпила вина и точно не придёт. Положив трубку, Вероника стояла у тёмно-синего окна и водила пальцем линии на запотевшей раме. На стекле рисовать запрещалось — оставались следы. Стекло запотело только сверху, а внизу оставалось сухим, отражало. Вероника нагнулась и смотрела на себя: прямая чёлка, широкий нос, маленькие глаза. Какая я некрасивая! Она подняла брови как можно выше, напучила губы. Нет.

Внутри у Вероники было так пусто, что даже жалость к себе ослабла, и не хотелось плакать. Бесцельно прошла по квартире, зажигая везде свет. Открыла и закрыла холодильник, заглянула в шкафчик. Достала из круглой жестяной банки лимонный леденец, взяла губами, покатила языком: кисло-сладкий, с острыми краешками. Сначала стучит о зубы, потом скользкий, гладенький. Рядом с банкой стояла початая бутылка красного вина — Мерлот. Наверное, во Франции девочкам дают такие имена — Мерлот. И такая же девочка, как она, с именем Мерлот, тоже сидит вечером одна. Вероника потянула торчащую пробку. Крепко сидит! Схватила покрепче, дёрнула, гнула вправо-влево, пока та не поддалась. Понюхала: кисло, противно!

Она села за уроки. Открыла математику. Самый длинный и нудный предмет, но зато его хватит надолго. Дурацкие дробы. Делать уроки в пятницу вечером было особенно обидно, но обида отвлечёт от одиночества. Вероника переписала из учебника первый пример, нашла общий знаменатель, правильно сложила и вычла, и тут рука сама вывела двойку вместо тройки! Вот блин! Ну ничего, не ошибка, а описка. Если аккуратно зачеркнуть, то учительница не снизит. «Увидишь ошибку, считай за улыбку!» Что бы она сказала, если б такое в тетрадке после домашней работы? А второй пример вообще не хотел переписываться из книжки: вместо девятки написалась восьмёрка, а вместо минуса плюс. Нет, невозможно делать математику! Ненавижу математику!

Она закрыла тетрадку и оттолкнула её в угол стола. Сходила на кухню за пригоршней леденцов, включила телек и прыгнула на мамин диван. Жёсткие пружины — как она на них засыпает? Шло шоу. Потом на четвёртом канале начались мультики. Потом конкурс красоты. А неделю назад мама поссорилась с дядькой Мишкой и пришла домой, хотя сначала собиралась ночевать у него. Вдруг и сегодня так? На экране улыбались красавицы, а Вероника трогала языком дырку от последнего молочного зуба — второй справа! Это ужасно некрасиво! Но новый уже немножко растёт. Во сколько вернулась мама в тот раз? Кажется, очень поздно, но до двенадцати. Потом сериал. Герои ссорились и мирились, долго обсуждали что-то непонятное. Вероника задремала.

Освежись! Бам! По старинным рецептам!

Её разбудила реклама пива. Который час? Одиннадцать. Мамы нет. Вероника несколько секунд смотрела на мелькающий лицами экран, а потом вскочила и побежала одеваться. Не могу здесь сидеть! Пойду её встречать! Буду ждать на улице, возле подъезда. Она обязательно вернётся домой и сегодня тоже. Обязательно, обязательно должна вернуться!

Глава 2. Валентин Валентинович, доцент

1. Отличное настроение

Валентин Валентинович отточенным толчком захлопнул дверь — не ударившись о косяк и не вздрогнув, она цокнула замочным язычком. Многолетняя тренировка, да. Приятно. Включил свет в прихожей, нацепил-промазал-нацепил шапку на крючок и повесил сырое пальто на плечики мокрой спиной наружу, чтоб просохло. Бодро встряхнулся. Отличное настроение! Во время прогулки он окончательно всё обдумал, и теперь решение ясной звездой сияло в голове. Думать над ним дальше было излишне — спокойный и ровный свет озарял Валентина Валентиновича изнутри. Щёлк выключателем: лампочка зажигается и гаснет, но идея не погаснет никогда!

Он неторопливо и тщательно вымыл руки, лицо, утёрся пушистым полотенцем и прошёл на кухню. Коньяку! Обычно Валентин Валентинович позволял себе коньяк только после еды, чтобы не повредить желудку, но сегодня был особенный день, когда правила нуждаются в нарушении. Он взял с полки свой любимый стакан из толстого стекла, конический — канонические коньячные бокалы, округлой формы, с ножкой, ему не нравились — и аккуратно налил палец. Нет, два пальца. Обмакнул губы, сделал глоток. Какой всё-таки отвратительный этот местный коньяк!

Валентин Валентинович достал из холодильника блины с творогом и поставил их размораживаться в микроволновку. Капнул на сковороду масла, зажёг огонь и, дожидаясь звоночка, смотрел на плавные подсолнечные пятна. Некоторые пятна сливались друг с другом, ветвились, образовывали сложные фрактальные фигуры, а другие, напротив, оставались простыми кружочками. Валентин Валентинович набрал шершавую щепотку из мисочки с солью и посыпал масляные пятна. «Солить нужно не сам объект, а среду, с которой он взаимодействует, — наставительно думал Валентин Валентинович, — объект уж сам просолится». Звончек-колокольчик. Он выложил блины на сковороду: три вдоль и два поперёк.

Такие идеи случаются раз в сто лет! Или в тысячу? А может, это самое революционное открытие за всю историю существования науки? Валентин Валентинович из скромности отогнал эту мысль, но тепло от неё мёдом растеклось по телу. Или это растекался коньячок? Говорят, идеи не зависят от личности открывателя, а витают в воздухе. Ноосфера. Если не я, то кто-то другой, не сегодня, так завтра додумается. Может быть, сейчас где-нибудь в Токио сухонький смуглый японец в очках строчит ручкой в блокноте и уже вот-вот... Валентин Валентинович почувствовал к японцу ревность и неприязнь, и тут же укорил себя за малодушие. Недостойная, глупая эмоция. Пусть строчит — разве мы для себя стараемся, в конце-то концов? Наука, цивилизация, светлое будущее. Но неразличимое. А пока он строчит, у меня уже всё готово, нужно только не терять времени. Сегодня уже ничего нельзя сделать, но завтра — с самого утра!

Валентин Валентинович погасил газ и деревянной лопаткой переложил блины на тарелку с синими цветками по ободку. Синие соцветия, жёлтые блины. Спектральная гармония, обусловленная соразмерностью длин волн.

2. Приятно вспомнить

Валентин Валентинович был доцентом кафедры теоретической физики в университете — доцентом перерезрелым, почти пожилым, пятидесяти пяти лет. Ему давно пора было бы защитить докторскую и стать профессором, но написание формальной узкоспециальной диссертации его не интересовало. Зачем? Самолюбие и амбиции в подобном аспекте, бессмысленно мелочном, смешили Валентина Валентиновича. В небольшом приросте зарплаты при получении новой должности он также не нуждался. Материальная сторона жизни его полностью устраивала — он жил в собственной квартире, на еду денег хватало, а коньяк ему поставляли неуспевающие студенты.

Другое дело — не просто диссертация, а настоящее открытие, за которое было бы и впрямь не стыдно получить докторскую степень! Валентин Валентинович уже второй десяток лет работал над теорией поля Янга-Миллса, и, хотя он не приблизился ни на шаг к окончательному решению вопроса, перед ним возникало огромное количество неожиданных нюансов, и не было на свете ничего увлекательнее, чем ежевечернее погружение в них. Однажды, объясняя свою работу маленькой на тот момент дочери, он описал её как волшебный лес в сказочной стране, где от основной дороги расходятся в стороны таинственные тропки, и каждая манит в себя — то душистыми цветами, то огромными грибами, то синими бабочками. У Катеньки вспыхнули глаза: правда синими, папа?

А жене Валентин Валентинович объяснял суть своих штудий уже по-взрослому, как поиск универсального уравнения, описывающего все известные процессы во вселенной. Сашенька очень уважала мужа за интеллект, но его изыскания с самого начала казались ей слишком абстрактными. И если сначала она была готова горячо защищать его от иронии более практичных знакомых, то постепенно её вера и привязанность ослабли и сменились стеснением. Она с каждым годом всё больше сомневалась в состоятельности Валентина Валентиновича, охладевала, и в один прекрасный вечер объявила, что так жить больше не может и уходит к архитектору. «Так — это как?» — попытался разобраться Валентин Валентинович. «Я тебе говорила об этом миллион раз! Ты слишком много пьёшь! Ты ничего не делаешь для семьи! Ты мечтаешь только о своих формулах, а я не могу позволить себе даже хорошее пальто! Мы ни разу не ездили в отпуск! Катенька даже не знает, что такое море! Мы ни разу не были в театре! Ты ложишься в постель и сразу храпишь!» — Сашенька объясняла эмоционально, бессвязно, и явно находилась на грани истерики. Или делала вид, что находится. Он не настаивал, решив, что всё уляжется само, надо только дать время. Всё действительно улеглось: на следующий день к подъезду подкатил внушительный архитектурский джип, Сашенька загрузила в него пожитки и отбыла. Катенька вернулась из летнего лагеря напрямик к архитектору — к ежедневным шашлыкам у бассейна, большому теннису, светлой комнате на втором этаже загородного коттеджа. Наверное. Валентин Валентинович подробностей не узнавал, но рисовал себе её новую жизнь примерно так. Вот только странно, зачем этому архитектору понадобилась не первой свежести женщина с дочерью?

Ну да ладно. Валентин Валентинович не жалел о семье, но если вспоминал, то самым добрым словом. За столько лет все неприятности забылись, отпали, и в памяти осталось только приятное. Например, как Сашенька стоит у плиты, в передничке, замешивая тесто розовыми ручками...

3. Держаться корней

В пятницу утром, в официальном костюме и нарядном синем галстуке, Валентин Валентинович поднялся в деканат. Секретарь, строгая дама с высокой причёской и расплывающимися формами, подняла глаза от бумаг и солидно подтвердила: декан у себя и может принять Валентина Валентиновича прямо сейчас. После секундного колебания — стучать? не стучать? куда стучать, если вся дверь затянута кожей? — он коротко постучал по металлической пластине, обрамляющей ручку, и вошёл.

— Вы позволите?

— Валентин Валентинович! Проходите! Чем порадуете?

Александр Александровичу недавно исполнилось сорок пять, он был бодр и полон энергии. Бритый почти наголо, чтобы не бросалась в глаза лысина, в модном льняном пиджаке, румяный и спортивный. Он вежливо выпроводил уборщицу — идите, идите, тётъ Катъ, чисто уже — крепко пожал Валентину Валентиновичу руку и пригласил сесть. Округлые, отполированные ногти, туалетная вода с тонким ароматом.

— Александр Александрович, прошу уделить мне десять минут — хочу поговорить с вами о своей научной работе.

— Правда? Вы решили заняться докторской? Давно пора! Это действительно отличная новость! Сколько времени вы планируете потратить на неё? И какова тема? — декан сел напротив, глядя внимательно в лицо Валентину Валентиновичу и слегка вытянув голову, будто прихихиваясь.

— Докторская? Можно сказать, да. Но пока речь идёт о ряде экспериментов, которые я хотел бы провести. В случае положительных результатов на их основе можно написать и диссертацию. Речь идёт о некоторых неожиданных аспектах теории поля, — Валентин Валентинович старался говорить чуть в сторону и вниз: он и в самом деле выпил после утреннего яйца всмятку немножко коньяку, а декан был не тот человек, которого хотелось посвящать в такие подробности. — И я хотел попросить вас помочь мне обустроить материальную сторону исследований.

— Речь идёт о финансировании? — в голосе декана послышалась отстранённость.

— Нет-нет, Александр Александрович, речь идёт только об административном содействии. Мне, видите ли, необходим доступ к Большому адронному коллайдеру, и я сейчас хочу узнать, возможен ли этот доступ, и в какой форме мог бы осуществиться.

— К адронному коллайдеру? Вы имеете в виду тот самый французский коллайдер, о котором сейчас так много разговоров? Пресса, телевидение, не так ли? — теперь в его голосе были недоумение и насмешка. Он взял в руки отточенный карандаш и провёл по нему пальцами, — И насколько велика необходимость проводить задуманные вами опыты именно там? Неужели вам без коллайдера никак?

— Представьте себе, никак! Теоретические изыскания дошли до той точки, из которой можно двигаться дальше только опытным путём. А мои разработки можно проверить только на мощностях Большого коллайдера, не менее, — он говорил теперь уж совсем в сторону. В сторону пепельницы в форме половинки футбольного мяча.

— Но, Валентин Валентинович, ведь это совершенно другая страна и другой уровень науки! Несомненно, программа экспериментов у них расписана на годы. А мы с вами представляем учебное — заметьте, учебное! — заведение, и далеко не с самым высоким статусом. Будет ли заинтересована международная научная общественность темой ваших экспериментов?

— В этом я не сомневаюсь! — с достоинством отвечал Валентин Валентинович, обращаясь к пепельнице.

— Безусловно, участие в международных научных программах подняло бы авторитет нашей кафедры и пошло бы на пользу всем. Однако предварительно необходимо созвать научный совет с подробным изучением вашей темы — действительно ли вопросы, затрагиваемые в ней, заслуживают внимания зарубежных коллег? — чуть заметно прищурившись, декан втягивал носом воздух. — Если материал у вас готов, то для начала предлагаю отдать его на рецензию кому-то из наших сотрудников, а затем, если потребуется, в Академию наук.

— Александр Александрович, — сказал Валентин Валентинович твёрдо и прямо, — Мы не можем упускать время. Дело очень важное! Позвольте, я прямо сейчас вкратце обрисую проблему.

Декан поднял ладонь, останавливая его. Помолчал несколько секунд и, как бы убедившись в достоверности унюханных запахов, коротко развёл руками:

— Валентин Валентинович, давайте остановимся на моём предложении. Подготовьте вашу работу и приносите на рецензию. А ещё лучше — подберите более реальную тему для диссертации. Поближе, так сказать, к земле. Будем, как говорится, держаться корней.

4. Чай с пирожками

Вот и хорошо, что он не захотел слушать. Зря я даже предлагал ему.

До начала занятий оставался ещё час, и Валентин Валентинович, надев шляпу и подняв воротник пальто, отправился на прогулку. Изредка отвечая на приветствия студентов, он пересёк двор и вышел за ворота. Моросил вертикальный дождик, и его струйки навели Валентина Валентиновича на фантазию о потоках заряженных частиц в коллайдере. Похоже? Не совсем: они были бы горизонтальные, разноцветные и стремительные. На асфальте разливались мелкие лужи, и струйки оставляли на их поверхности нежные кружочки. Он глядел под ноги и старался не ступать в воду — правая туфля имела прореху и не допускала погружений. Валентин Валентинович миновал забор, за которым шло строительство нового корпуса, обогнул кинотеатр и свернул налево. С влажным шелестом проносились машины, оставляя за собой серые росистые шлейфы, с придорожных деревьев опадали намокшие листья. Он стал у перехода, дожидаясь зелёного света, и смотрел, как с полей шляпы срываются серые капельки.

За перекрёстком Валентин Валентинович снова свернул налево и обошёл троллейбусную остановку, полную прячущихся от дождя людей. Люди проводили его пустыми скучающими взглядами. Он остановился у лотка с фруктами. В зелёных пластмассовых корытцах лежали яблоки нескольких сортов, апельсины, мандарины, сливы, огурцы, помидоры и лук. Валентин Валентинович взял красно-жёлтое яблоко, понюхал. Пахло хорошо.

— Выбрать вам яблочков получше?

Знакомое лицо: эта продавщица, или очень похожая на неё женщина, жила в соседнем подъезде и иногда гуляла с девочкой-школьницей.

— Выберите, пожалуйста. Пять вот этих яблок, пять апельсинов, пять мандаринов.

Такая не обманет, действительно выберет самые лучшие. По лицу видно. Валентин Валентинович наблюдал, как она проворно поворачивает, осматривает яблоки и кладёт их в пакет. У неё под курткой три шерстяных свитера, не меньше! Попробуй постоять с утра до вечера на улице. Хорошо хоть под зонтиком.

Пройдя ещё метров двести вперёд, Валентин Валентинович спустился в небольшую столовую, где обычно обедал или, как сегодня, завтракал. Там было уютно, немногочисленно, и к чаю подавались замечательно вкусные, всегда свежие пирожки с повидлом. Он взял чёрный чай с тремя кусочками сахара, два пирожка и устроился в углу, у окна. Помешивая ложечкой в чашке и с удовольствием вдыхая сладко-терпкий пар, он смотрел на улицу — на дождик и на ноги прохожих. Пирожок нужно кушать осторожно: его попка может прорваться и капнуть на стол повидлом. Отпив половину чашки, Валентин Валентинович удостоверился, что на него никто не обращает внимания, и непринуждённо достал из внутреннего кармана плоскую бутылочку коньяку. Вот, снова полная чашечка! Он принялся за второй пирожок.

5. Здравствуйте, дети

— Здравствуйте, дети!

Студенты-программисты заулыбались. Все они считали себя взрослыми людьми, состоявшимися личностями, и фирменное приветствие Валентина Валентиновича, подходящее, по их мнению, для школы или детского садика, воспринимали как весёлую шутку. Он это прекрасно понимал и тоже улыбался: вы именно дети, дети! Только одна из студенток знала, что он не шутит — это было видно по её взгляду исподлобья — но и она улыбалась. Совсем некрасивая. Точнее, с лицом у неё что-то, всё в оспинах. Зато самая умная. К сорока будет звезда, если кто-нибудь не покусится и не обременит семьёй. Кажется, Вера. Или? К началу октября он ещё не всех студентов помнил по именам.

— Прошу вас, располагайтесь, занимайте лучшие места. Поближе, поближе. Как-то нас мало, не правда ли? Напоминаю: посещение лабораторных работ обязательно, и прогульщикам придётся волей-неволей отрабатывать пропущенные занятия, чтобы получить допуск к экзамену. А в конце семестра я обычно крайне занят, и отработать будет непросто! Где, например, наш компьютерный пират Виталий? — этого студента Валентин Валентинович запомнил хорошо после продолжительного спора на одной из предыдущих лабораторных.

— Виталья отсыпается!

— После бурной ночи!

— Схватка с американскими серверами!

— Опять наставил рога буржуям!

Студенты оживились, загомонили, загоготали. Виталья был их героем, настоящим хакером. Он взламывал какие-то программы, сайты и базы данных через интернет, со своего старенького компьютера в общежитии. Ходили слухи, что однажды его выследила крупная американская корпорация и даже подала в суд, но благодаря слабому законодательству в этой сфере ничего с ним поделать им не удалось.

— Что ж, молодец! Славный парень Робин Гуд. Его успехи на ниве благородного разбоя всячески приветствуются, но в качестве лабораторных работ засчитаны быть не могут. Прошу вас передать Виталию, что я жду его на своих занятиях.

Валентин Валентинович отметил в журнале присутствующих. Карандашом, не сжигая мостов. Поближе к сессии эти отметки смогут обрести материальность.

6. Фрукты на службе науки и на страже здоровья

— Сегодня мы с вами перейдём от изучения строения атома к основам квантовой механики. А для начала мы проверим, как вы поняли и запомнили предыдущие занятия, — Валентин Валентинович выложил на стол фрукты из пакета. — Смотрите: жёлтыми апельсинами мы обозначим ленивые протоны, оранжевыми мандаринками — бодрые электроны, а зелёными яблоками — холодные нейтроны.

Валентин Валентинович собрал три апельсина и четыре яблока в кучку, а вокруг, на некотором отдалении, разместил три мандаринки.

— Кто может сказать, господа, атом какого вещества я изобразил? Можете пользоваться таблицей Менделеева, если хотите.

Некоторые зашуршали, некоторые смотрели выжидательно. Парень в коричневой кофте с капюшоном поднял руку и предложил:

— Это литий.

— Верно! Три протона — это самый настоящий литий. Спасибо. Двигаемся дальше: если мы удалим одно яблоко-нейтрон, что у нас получится теперь?

Валентин Валентинович изъясил яблоко и поднял его в руке. Божественное вмешательство, нейтронный распад. Зашуршали опять. Вера сказала:

— Литий останется литием! Меняя количество нейтронов, мы получаем изотопы одного и того же вещества.

— Отлично, Верочка! А если мы удалим мандаринку? — он взял мандарин во вторую руку.

— Получится положительно заряженный ион лития, — не раздумывала Вера, — мы это ещё в школе проходили, Валентин Валентинович.

Он протянул ей яблоко и мандарин. По правилам его занятий фрукты полагалось съесть — таким образом поощрялись знания. Многие считали это эксцентричностью, и он уже имел объяснения с деканатом, но сумел отстоять свою придумку, ссылаясь на пользу витаминов для растущих студенческих организмов. Спор с Виталием произошёл тоже на почве поедания фруктов: юный хакер потребовал доказательств их зрелости и чистоты. Теоретические обоснования благих намерений не удовлетворяли его, и после долгих прений Валентин Валентинович разрубил гордиев узел, публично скушав свой апельсин сам. Противник был повержен, честь была защищена.

А Верочка, умная и деликатная девочка, никогда не отказывалась от витаминов.

И занятие продолжалось. Валентин Валентинович начал рассказывать о квантовой механике.

7. Неужели унюхал?

Вечером, возвратившись с лекций домой и лишь на несколько минут заглянув на кухню, Валентин Валентинович нашёл в записной книжке телефон своего старинного, ещё со студенческих времён знакомого Миши, работающего сейчас в Академии наук. Михаил Александрович, доктор и лауреат, имел не то что бы международное имя, но внушительный ряд публикаций в известных зарубежных изданиях.

— Здравствуй, Миша! Это Валентин. Узнаёшь? — Валентин Валентинович смело говорил прямо в трубку, чувствуя себя в безопасности: ведь запахи не передаются по проводам.

— Здравствуй! Рад тебе!

Общались они очень редко, не чаще, чем раз в несколько лет. При таком режиме все общие интересы давно выветрились, и Валентин Валентинович даже не пытался скрывать, что звонит по делу.

— Мне нужна твоя помощь, Михаил.

— Охотно выслушаю старого друга! Говори, не стесняйся.

— Я сейчас работаю над специфической проблемой, связанной с теорией поля, и нуждаюсь в экспериментальной базе.

— Так-так! Докторская, да? Что ж, молодец, молодец. Чем могу служить?

— Я уже обращался к нашему декану, но мне не удалось донести до него свою мысль. Он предлагает сначала отдать мою работу на рецензии, хотя на это совершенно нет времени! Поэтому надеюсь только на тебя. Мне нужен выход на специалистов, работающих с Большим адронным коллайдером. Или хотя бы косвенно с ним связанных.

— О! Ты основательно взялся за дело! Не мелочишься! — Михаил Александрович засмеялся. — Мне нравится такой подход. Дай подумать... Пожалуй, нужные ниточки у меня есть, надо попробовать за них потянуть. Ты в курсе, что у нас в Минске изготавливали адронные калориметры для коллайдера? Я даже конкретных людей знаю на Тракторном. А тема какая у тебя? Давай чуть поточнее, чтобы я мог вести разговор предметно.

Валентин Валентинович был уже готов к презентации. Он набрал воздуха и начал объяснять тему. Михаил Александрович внимательно слушал, изредка вставляя всякие «так-так», «понимаю», «какой интересный ход», «логично», «неожиданно». По мере того, как Валентин Валентинович продвигался к сути, реплики Михаила Александровича редели, блекли и ссыхались, а итогом разговора стало вялое «созвонимся»:

— Мне всё более-менее ясно, Валентин. Идея свежая, самобытная, но, на мой взгляд, немного сыроватая и требует дополнительной проверки. Будет правильно, если ты изложишь свои тезисы на бумаге и всё ещё раз осмыслишь, а я пока попробую связаться с зарубежными коллегами. Созвонимся на следующей неделе. Как ты вообще? Со здоровьем у тебя всё в порядке? Выпиваешь по-прежнему? Как в старые-добрые?

8. Есть решение!

Фиаско. По Мишиному тону было совершенно ясно, что величия идеи он осмыслить не смог и ни с какими зарубежными коллегами связываться не намерен. Валентин Валентинович в задумчивости переоделся в домашнее — мягкие вельветовые штаны и клетчатую ковбойку с уютно протёршимся воротником. Кухня приняла его тепло и преданно. Вот кто никогда в нём не усомнится — кухня! Соорудить бы маленький кухонный коллайдер, тихий и свойский, как тостер. С двумя клавишами — пуск и стоп. Но нет, как тогда управлять процессами? Исходные параметры, регистрация результатов... Без клавиатуры не обойтись. Компьютер, программы. Программисты. Размораживая блины, Валентин Валентинович вспоминал сегодняшних студентов. Всё-таки они меня любят! Ну, если и не любят — громко сказано — то относятся дружелюбно и уважительно. Уж совсем не так, как к декану. Холёный хлыщ. Именно такие и пробиваются, возглавляют. Разве учёный, которому есть над чем работать, будет тратить время на выслуги? Чиновник! Да и чёрт с ним. Должен же кто-то.

Горячие блины с удачно поджаристой корочкой вернули Валентина Валентиновича в доброе расположение духа. Отпивая коньяк по капельке — почти только касаясь губами — он жмурился от удовольствия. К водочно-ванильному привкусу он привык, как к неизбежному осеннему дождю. Доев третий блин, Валентин Валентинович отчётливо осознал, что коллайдера ему не видать. Осознание прошло гладко, без возмущений мысли. И всё потому, что с четвертого блина начинается самое удовольствие! Ты уже насыщен, успокоен, умиротворён — и чувствуешь вкус особенно ясно. Ясность мысли. Ты как будто приподнимаешься над проблемами и видишь обходные пути, неожиданные способы решения. Если в дом нельзя войти через парадное, то почему бы не попробовать чёрный ход или даже окно? Если для честного исследователя закрыт честный доступ к коллайдеру, то почему бы не перестать быть честным? Стану ли я бесчестен как исследователь, если завладею коллайдером путём обмана или насилия? Не повлечёт ли это за собой потерю правдивости самих исследований? Не будет ли это поступком того же рода, что и, скажем, подтасовка результатов экспериментов?

Кушая пятый, Валентин Валентинович отбросил теоретические терзания и перешёл к реальности. Ехать во Францию или в Швейцарию, попытаться проникнуть к коллайдеру? Нанять головорезов, ворваться? Дорого: виза, билеты, оружие, наёмники, отстреливаться. Хотя если ориентироваться на студентов, то можно обойтись зачётом. За зачёт они на всё согласны. Есть крепкие и смелые ребята. Виталий тот же — толстячок, но отважный. Человек десять хватит ли? Но. Даже если хватит, то им ведь тоже придётся покупать билеты. Или пускай сами? Хватит ли стипендии на билет до Швейцарии? Нет, явно не хватит. Нет, это нерациональный путь. Он выпил. Да!

Да! Есть решение! Виталий! От волнения Валентин Валентинович встал, задев коленом стол. Вилка звякнула о нож, в стакане возбудилась волна. Хакер и взломщик! Как просто: не нужно никуда ехать, Виталий взламывает коллайдер прямо из своего общежития!

На ходу проглотив последний кусочек блина и залпом допив палец коньяку — всё-таки это не коньяк, и даже не бренди, а водка с карамелью! халтурщики! — он поспешил в комнату, переодеваться обратно.

9. Прогулка у общежития

Студенческие общежития располагались в двадцати минутах ходьбы от дома Валентина Валентиновича. Он не знал точно, какой ему нужен корпус, и даже не помнил фамилию Виталика, но не сомневался, что без труда отыщет его.

Серо-синяя, влажная темнота, мокрые деревья. Лужи блестели в чередующихся пятнах света под фонарями, но их заметность была обманчива — Валентин Валентинович с размаху ступил в неожиданную воду, нога мгновенно промокла и холодно захлопала. Ну вот! Ещё не хватало простудиться! Мимо, поблёскивая и позвякивая, прокатился светящийся изнутри трамвай. Почему они всегда позвякивают? Несовершенство конструкции или предупреждающий сигнал?

Валентин Валентинович потряс ногой в надежде вылить излишки воды. Вот такие мелочи и портят настроение. Может быть, зря я это затеял? Дождался бы спокойно завтрашних лекций. Он миновал учебные корпуса, библиотеку, гастроном. Как я вообще собираюсь его искать? Что скажу — принёс ему забытую в парте тетрадку? Или вообще ничего не говорить? Тогда ещё хуже могут подумать. Валентин Валентинович вспомнил историю одного доцента с соседней кафедры, который на старости лет влюбился в студентку. В тот год с зимы до лета его можно было увидеть на этой улице, мрачно гуляющим или курящим на скамейке. Иногда они гуляли вместе, ярко контрастная пара — невысокий худой мужчина с тёмным лицом в глубоких морщинах, в чёрном кожаном плаще, руки за спину, и юная сельская девушка с косой, теребящая сумочку, на круглом лице — круглые глаза. В этом было что-то пугающее, неприличное, асоциальное. О них знал весь университет, но никто не разговаривал, не обсуждал — тема отталкивала. Впрочем, история эта кончилась ничем, рассосалась сама — девушка благополучно защитила диплом и уехала в родную деревню, а доцент уволился, устроился в какую-то фирму. У меня ещё похлеще получится, думал Валентин Валентинович, меня примут за педофила. Или педофил — это если объекту страсти нет четырнадцати лет? Или шестнадцати?

Общежития начинались за перекрёстком. Мокрая нога согрелась от ходьбы, призрак простуды отступил. На ступеньках перед входом курили студенты в футболках — как им не холодно? Они рассказывали что-то друг другу, громко смеялись, размахивали руками. Валентин Валентинович ощутил робость. Нет, не пойду! Что за абсурд. Завтра увижу его на лекциях или в крайнем случае передам через его друзей, чтоб явился.

В этот момент сзади слышалось туканье каблуков, нагнало его, и женский голос благожелательно поздоровался. Валентин Валентинович повернул голову: Вера.

— Здравствуйте, Верочка! А я вот прогуливаюсь перед сном. Как вы, готовы к завтрашней лекции?

Вера вежливо отвечала, что готова. Они остановились. Валентин Валентинович шутливым голосом посетовал, что не все студенты столь ответственно относятся к физике, как она, и как бы вскользь упомянул о Виталии — мол, он-то точно не придёт, а ведь предмет очень важный. И подчёркнуто шутливо спросил, нет ли у неё его номера — позвонить, пожурить. Вера, то ли подыгрывая ему, то ли восприняв всерьёз, достала из сумки телефон, потыкалась в кнопки и предложила записать номер. Продолжая двойную игру, Валентин Валентинович открыл блокнотик, который всегда носил в кармане, и, ловя слабый свет фонаря, записал.

— Спасибо, Верочка! Позвоню ему и поговорю по душам. Спокойной вам ночи!

Поспешая домой, Валентин Валентинович так радовался удаче-встрече, что забыл о своей искусственной улыбке, и она ещё несколько минут держалась на лице. Дома он первым делом поставил промокшую туфлю на батарею и сменил носки, а вторым делом наполнил стакан и набрал номер Виталия.

10. И что будет?

— Вот сюда садитесь, — Валентин Валентинович указал Витале на своё любимое кресло. — Коньячку?

Виталя кивнул и принял в руки стакан с коньяком. Он осматривался, тёр носком носок и поглядывал на Валентина Валентиновича выжидательно. Валентин Валентинович разрезал большую зелёную грушу на четыре дольки, потом каждую дольку ещё на две, и поставил блюдце на журнальный столик, поближе к Витале.

— Неплохо вы устроились, — выдавил наконец Виталя. Он чувствовал себя скованно, и молчание тяготило его.

— Да-с, не жалуюсь! Особых уютов у меня нет, но уж как живу, так живу.

Валентин Валентинович сел на диван и, озорно улыбаясь, поднял стакан. Они отпили и захрустели грушей.

— Так что за дело-то? — недоверчиво хмурясь, спросил Виталя.

— Видите ли, Виталий, не так давно я сделал одно очень смелое физико-математическое предположение, полностью подтвердившееся теоретически. Теперь мне нужно поставить практический опыт, и мне не к кому обратиться, кроме вас. Как мне доподлинно известно, вы обладаете познаниями в компьютерных сетях и в программировании, и я хочу вас попросить об одном одолжении. Которое, разумеется, будет учтено во время сессии.

— Звучит заманчиво, — протянул Виталя обречённо.

— Вы наверняка слышали о коллайдере, Виталий?

— О коллайдере?

— Да, о так называемом Большом адронном коллайдере, построенном на границе Франции и Швейцарии с целью глобальных научных изысканий. И для проверки моей теории это устройство подходит как нельзя более! Откровенно говоря, подходит только оно и никакое другое. К сожалению, программа экспериментов на коллайдере расписана на долгие годы вперёд. Кроме того, я ещё не уверен, стоит ли предавать моё открытие широкой огласке. Моя просьба, Виталий, состоит в том, что мне необходим анонимный доступ к системе управления коллайдером, — и Валентин Валентинович невинно пригубил из стакана, длинно вытянув губы.

— То есть вы чё, хотите сеть взломать? — от души удивился Виталя. Валентин Валентинович подтвердил кивком. — Не ну... Серьёзно что ли?

— Не только взломать сеть, но и запустить на коллайдере один небольшой процесс, который займёт не более нескольких минут по моим подсчётам. Я полагаю, написать программу для выполнения этого процесса не составит для вас особого труда, там ничего мудрёного.

— А... — Виталя сглотнул, — А что за эксперимент хоть?

— Ведь подобная акция сильно поднимет ваш хакерский авторитет, не правда ли? — Валентин Валентинович подмигнул. — Эксперимент заключается в том, что мы с вами создадим одну несложную волновую функцию и направим её в заданную точку пространства.

— И что будет?

11. Ещё и сомневается!

Валентин Валентинович, окончательно разругавшись, махнул рукой на секреты. Расскажу. Всё равно Виталий ничего никому не сможет объяснить.

— Если бы вы ходили на лекции по физике, Виталий, вы бы могли познакомиться с теорией Янга-Миллса, дающей нам описание взаимодействия всех элементарных частиц. Уравнения Янга-Миллса нелинейны и крайне сложны, и чтобы вы поняли вкратце их суть, я покажу вам лагранжиан... — Валентин Валентинович притянул к себе радужный блокнот, лежащий на столике, и принялся возводить формулу, кишашую греческими переменными. И тут же бросил: — Нет, вам это не нужно! Слушайте. Занимаясь нелинейными преобразованиями, и двигаясь от сложного к простому, я достиг абсолютного предела. Этот предел — число сто девяносто шесть. Число сто девяносто шесть, Виталий — это Абсолют! — Валентин Валентинович произнёс последнюю фразу с выражением, чтобы большая буква в слове «Абсолют» была слышна отчётливо, и победоносно поднял стакан.

Виталия оторопело смотрел на него.

— Вы не понимаете, Виталий? Число сто девяносто шесть — вот основа вселенной, глубинная суть бытия. Абсолют, понимаете? Философию проходили? Погодите! Это ещё не всё. Это не просто теория. Я нашёл возможность смодулировать число сто девяносто шесть на квантовом уровне и локализовать его в конкретной точке пространства-времени относительно источника модуляции. Звучит, а? Да. Я и сам, не постесняюсь этого выражения, в полном восторге. И вот теперь ваша задача: обеспечить доступ к системе управления коллайдером и ввести в неё несложную программу, которая запустит два потока заряженных частиц, образующих одновременно ровно сто девяносто шесть соударений. Полученная в результате волновая функция — не что иное, как управляемое проявление Абсолюта! Затем мы вводим желаемые координаты и вуаля: волновая функция покидает пределы коллайдерной трубы и локализуется. А мы наблюдаем и фиксируем!

Валентин Валентинович крепко поставил пустой стакан на стол и откинулся на спинку дивана.

— Ээээ... — Виталий был ошарашен. — Вы меня извините, Валентин Валентинович, но всё это как-то дико звучит! Абсолют из числа сто девяносто шесть? Взлом коллайдера? Может, я чего-то не понимаю, но выглядит как полный бред. Вы ошибки не пробовали искать? Может, увлеклись и не заметили? Так бывает. У меня тоже — иногда вожусь с прогой целую ночь, а потом понимаю, что путь неправильный. Давайте завтра ещё раз проверим, на трезвую голову? Может, не сто девяносто шесть получится, а сорок два.

— Виталий, — сказал Валентин Валентинович с достоинством, — предоставьте теоретическую часть эксперимента мне. Я уже немолод, и иллюзий не питаю. И я далеко не новичок в этой сфере, отличить зёрна от плевел в состоянии. Вашу роль я вам описал. Вне зависимости от успеха моего опыта вы получите «отлично» на экзамене.

Давая понять, что разговор окончен, Валентин Валентинович встал, пошатнувшись.

— Можете приниматься за дело! А пока вы будете искать слабые места в сетях коллайдера, я подготовлю математический аппарат, на основе которого должна быть написана программа. Созваниваемся ежеде... ежедневно. Вы согласны?

12. Правильный спин

После ухода на всё согласного Витали Валентину Валентиновичу не сиделось на месте. Он чувствовал возбуждение, желание действовать. Выпил ещё полстаканчика, подождал у окна. Не проходило. Полил из чайника фикус, наблюдая, как мелькают в струйке воды частички извести. Полезна ли фикусу известь? Наверное, да. Валентин Валентинович обошёл квартиру по периметру, замедлившись у книжного шкафа, оглядел последовательность корешков. Двинулся дальше, распахнул дверь в кладовку и постоял в ней, уперев руки в бока, запахнул. Открыл холодильник. Пусто. Чем больше делаешь запасов, тем неожиданнее они иссякают! «Хочу ещё блинов. Пойду в магазин, — решил он, — ещё не слишком поздно».

Шёл двенадцатый час. По дороге к магазину Валентин Валентинович думал о сути эксперимента, отбросив организационные трудности. Если всё пройдет успешно, и Абсолют будет локализован — то в каком виде он материализуется? В виде человека? В виде какой-нибудь другой сущности? Или на это повлияет структура области пространства, в которую он попадет? Тогда как быть с погрешностью в вычислениях координат? Ошибёшься метром — и он попадет вон в ту кошку, например. Кошка, прижав уши, скрылась в кустах. Или в скамейку, или в урну. Снова лужа, что за напасть! Плевать. По-хорошему, такое нужно устраивать на полигоне, в целях безопасности. На ядерном полигоне. Валентин Валентинович передёрнул плечами — ему вдруг стало жутко. Каким будет Абсолют? Каким будет Бог? Он впервые, с опаской, употребил это слово. А ну как явится страшен и грозен, во гневе и в громе молний?

Магазин приветливо и спокойно светился витринами, и Валентин Валентинович с облегчением взойшёл на крыльцо. Двери раздвинулись, пахло съедобным теплом. Что за глупые страхи! Внутри было уютно и безлюдно. С потолка звучала эстрадная песенка о любви, две кассирши весело переговаривались через стойку с шоколадками. Он направился к морозильникам: пиццы, пельмени, пакеты с овощами. Вот они, блинчики.

— Здравствуй, Валентин Валентинович!

Он обернулся: Валера, сантехник из соседнего подъезда, улыбался встрече. Вот ещё не хватало! Впрочем, добрый парень, сливной бачок починил.

— Витамины покупаешь? Дело хорошее! А я вот после второй смены за пивасом зашёл. В нём тоже витамины, учёные говорят.

Какие ещё витамины? О чём он вообще? Чёрная шапочка, будто бы спортсмен.

— Всё что вкусно — то и полезно, вот какие! Что организм требует — то и есть витамины, — Валера подмигнул Валентину Валентиновичу и вытащил из морозильника пиццу с грибами.

Они расплатились в параллельных кассах и вышли наружу вместе. Коньяк испарялся спиртами в мозг, мягко расплывал холодную ночь перед глазами. Тело плавно летело над ногами, над сухой левой, над мокрой правой. Валентин Валентинович постепенно принял присутствие Валеры и заговорил:

— Валерий, что ты думаешь о Боге? — Валера раскрыл было рот, но Валентин Валентинович не слушал. — Я полагаю, Валерий, что важно, в каком модусе он явится. Созидатель, разрушитель, судья, спаситель и так далее, на сколько фантазии хватит. Я полагаю, что этим можно управлять с помощью особого параметра, задаваемого в начальных условиях. Назовём его спин. Спин должен быть правильным, Валерий. Локализация должна быть параметрической. Иначе туго нам всем придётся. Согласен?

Валера, раздумывая над ответом, откупорил банку пива.

— Не скажу насчёт спина, Валентин Валентинович, но моя бабуля, когда жива была, говорила, что уже скоро случится Страшный суд, и нас всех за грехи накажут. В любой момент может начаться. Так что торопись жить! — и он, приложившись к банке, задвигал щетинистым кадыком. — А чего это ты вообще? Я думал, учёные в Бога не веруют.

— Некоторые веруют, а некоторые нет. Кто как. Но истинный учёный, я считаю, не должен оперировать такой категорией, как вера. Истинного учёного должны интересовать только математические доказательства и опытные подтверждения.

— О как. Так ты всё ж веруешь или нет?

— Повторю, Валерий: от веры я далёк. Я доказал.

— О как.

13. Пока мама не вернулась

Валентин Валентинович распрощался с Валерой у его подъезда и медленно двинулся к своему, размахивая пакетом с блинами в такт шагам. Коллайдер, коллайдер, ла-ла-ла, — напевал он на мотив песенки из магазина, зацепившейся внутри. Зачем ты мне нужен, коллайдер, любовь убежала, коллайдер. Зачем мне, и правда, коллайдер? Пора бы забыть про коллайдер! Мы не рождены друг для друга. Валентин Валентинович представил, как он разгоняет поток заряженных частиц силой мысли: прикрыл глаза и затопал вокруг своей оси, нараспев произнося недавно найденную формулу с лагранжианами. Формула была длинная, у Валентина Валентиновича закружилась голова, но он дочитал её до конца, а потом остановился, вскинул руки перед собой и громко продиктовал координаты локализации: пять метров перед моим носом!

Треснуло, щёлкнуло, зашипело!

Валентин Валентинович удивлённо открыл глаза. Осенняя темнота, кусты, скамейки, ступени — всё плыло перед ним. Как бы не упасть. Вот так набрался я, надо было дома сидеть. Он расставил ноги пошире для устойчивости, опустил руки. Кусты и скамейки понемногу замедлились. Стали. В пяти метрах перед ним стояла девочка в зелёной куртке, почти незаметная в темноте. Он засмеялся и стал успокаивать её раскрытой ладонью:

— Я тебя напугал, маленькая? Прости, я совсем не злой, просто настроение славное, потанцевать захотелось. Дедушка так шутит. Ты чего здесь стоишь одна?

— Вообще-то я маму ждала, — ответила она с насмешкой.

— Маму? погоди, я кажется знаю твою маму — она продаёт фрукты, верно? — вспомнил Валентин Валентинович. — Я вижу иногда, как вы вместе гуляете. Как тебя зовут?

Ему показалось, что... Он сделал шаг к ней навстречу, чтобы разглядеть, и ахнул: над её головой мерцало свечение. Слабое, но явственное — отдельные волоски приподнимались вверх, притягиваясь к нему и медленно колеблясь. С ума сойти!

— Меня зовут Вероника, — сказала девочка. Она повела плечами от холода и засунула руки глубже в карманы. — Видите, Валентин Валентинович, у вас получилось. Вы счастливы теперь?

Валентин Валентинович в потрясении перебирал пальцами пакет, пакет дружелюбно шуршал. Он тужился думать, но ослабевшая и опустевшая голова забыла, как это делается. Какие-то бессвязные, беспомощные обрывки: «зафиксировать точное время, направление ветра и влажность... я забыл указать спин... хотя модус вроде бы безопасный... повторить опыт, изменив исходные...» Девочка ждала, ёжилась, волоски колебались, а где-то в темноте неумолимо приближалась её мама, ещё далёкая, но неизбежная. Скоро начнётся: истеричные женские причитания, вспыхивающий в окнах свет, испуганные головы соседей, милицейская сирена. Что ты сделал с моей дочерью, чудовище?! Наручники, камера, смрад, суд, присяжные, укоряющее лицо декана из толпы, чёрный колпак, смерть.

— Пойдём ко мне! — зашептал Валентин Валентинович. — Подумаем в спокойной обстановке, пока твоя мама не вернулась.

Она кивнула: ок. Они вошли в подъезд и поднимались по ступеням, лёгкая девочка впереди, дрожащий Валентин Валентинович следом. «Быстрее, быстрее!» — шептал он. Хоть бы никто не вышел покурить! Одиноким пожилым доцентом ведёт к себе ночью школьницу! На третьем этаже перегорела лампочка, и нимб отчётливо светился, оставляя на стенах голубоватые отблески.

Никто не вышел.

14. Локализация Абсолюта

Валентин Валентинович отточенным движением захлопнул дверь — не ударившись о косяк и не вздрогнув, она цокнула замочным язычком.

— Проходи, проходи, не снимай куртку, пока не отогреешься.

Вероника послушно прошла и опустилась в то же кресло, в котором час назад сидел Виталик. В ярком электрическом свете её нимб погас — девочка как девочка. Даже одного зубика не хватает. Валентин Валентинович тряс головой — не пьяный ли морок обманул его? Изображение съезжало. Машинально он налил себе палец и открыл даже рот, чтобы предложить Веронике, но осёкся, и, чтобы использовать открытый рот, спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Клёво!

— А когда твоя мама вернётся? Меня это беспокоит. Придёт, а тебя нет! Что нам делать, Вероника?

Вероника попросила его не волноваться за маму — она ночует у своих друзей. Мне просто было очень одиноко, и я вышла на улицу. А добрый дедушка приютил. Валентин Валентинович ходил по комнате со стаканом в руке, постепенно оправляясь от испуга.

— Ты голодная? Хочешь блинов с творогом? Хотя уже и очень поздно, но нарушать режим иногда полезно, это я тебе как научный работник говорю!

Она не хотела блинов. Валентин Валентинович отпил, поморщился. Настроение возвращалось стремительно.

— Так ты — воплощение Абсолюта? Бог?

— Да.

— А я, старый дурень, так волновался за коллайдер! — он взмахнул стаканом. — Оказывается, он и не нужен. Но формула всё-таки правильная, верно?

— Верно-верно.

— Ох! Ты понимаешь, что это вообще значит? Даже неважно, правильная ли формула! Подумать только — силой мысли разогнал частицы. Это прорыв, невероятный прорыв, о котором я и не мечтал! — у него горели глаза и дрожали руки.

— А о чём вы мечтали, Валентин Валентинович?

— В последнее время, когда передо мной забрезжило неожиданное открытие, я мечтал довести работу до конца и сформулировать окончательное уравнение. Когда формула была получена, я стал мечтать о практической проверке. Теперь... Теперь передо мной открылись новые горизонты, невиданные и неслыханные! Я просто протрясён... потрясён! — он взволнованно поставил стакан на книжную полку. — Пока даже не знаю, как к этому всему подступиться. С утра буду начинать думать.

— Получается, ваша мечта сбылась. Вы счастливы? — девочка повторила тот же вопрос, что и на улице.

— Абсолютно счастлив! Абсолютно прекрасный день сегодня!

Валентин Валентинович безмятежно смотрел на Веронику и улыбался. Что мне с ней теперь делать, а? Абсолют, надо же. И такая умненькая вроде. И мама у неё славная. Он снова снял с полки стакан и шагнул к столику. Явный перебор, ну да ладно — сегодня можно заслуженно. Прощай, умеренность. Столик, заигрывая, поплыл в сторону, но Валентин Валентинович твёрдо настиг его.

— Валентин Валентинович, хотите собачку?

— Собачку? — он удивился и довольно долго думал над собачкой. — Собачку. Да, собачка была бы мне очень кстати. Но есть одно но, кардинально важное но!

— Какое но?

— Но! Качество наших коньяков, Вероника. Точнее, бренди. Качество хромает на обе ноги, и не даёт моему счастью достигнуть степени полного блаженства. Достигнуть степени, хаха.

— И всё? — Вероника была разочарована. — Это легко исправить. Попробуйте ещё раз. Наливайте-наливайте, смелее. Пробуйте!

— Ух! — только и сказал Валентин Валентинович, попробовав.

Глава 3. Виталя, студент

1. Зубы зверя

«Ночью пробудился он от шорохов и сел в кромешной тьме, и слышал тихие шаги зверей. Обступали его звери и шептали на своём древнем наречии, и он понимал всякое слово. Вопросы звери, роптали: доколе томиться будем под игом телесности, правды последней не ведая? Доколе в глазах наших стоять будет осенняя влага и стылых деревьев дрожание? Доколе плыть нам по тёмным течениям к морю, вечно стремясь и вечно не достигая? Чуешь ли нас, старец? Дивился он столь складным речам, и так отвечал: согбенна спина моя и немощно разумение, однако знаю, добрые звери, знаю доподлинно — воссияет и для вас свет! Свет невидимый, ощущаемый лишь шерстью загривной, но свет истинный, окончательный. Послушайте, звери: смело сквозь туманы к цели ответной ступайте, лапой мохнатой по мхам и хрупким хвоинкам. Ищите препятствие, звери, препятствие великое, пересечь кое не в силах станете. И поверили ему звери, и в тёмном тумане растаяли, чутьём ведомые. Он же лёг и спал до утра».

Вот бред! Виталя оттолкнул клавиатуру и встал с табурета. Шагнул несколько раз по комнате и вернулся, перечитал. Сойдёт. По крайней мере необычно, ни одного стандартного рекламного оборота. Должно пролезть сквозь любой спам-фильтр. Теперь надо позвонить Валентайну — пусть даёт подробную инфу о своём эксперименте. Завтра. А сейчас — спать. Третий час. Хорошо хоть соседей сегодня нет, а то вечно ноют, что мешаю.

Снова сел на табурет, притянул клавиатуру. Зашёл на свой любимый порносайт — может, кто-нибудь выложил новые фотки? Или хотя бы новые комменты. Но жизнь замерла даже в интернете. Ночь пятницы. Точнее, уже суббота. Мёртвое время. Виталя оттолкнул клавиатуру и зевнул.

Колебнулся — поест ли? хотя б бутербродик со сгущёнкой? — но сдержался, выстоял. Взял в тумбочке зубную щётку, тюбик с пастой и вышел в коридор. Ни одной полоски света под дверями комнат, все разъехались на выходные, а кто не уехал — уже давно спят. Длинный коридор освещался только по торцам, лампочками на лестницах. Чёрный провал кухни. Если включить там свет, встревоженные тараканы затопчутся, побегут по столам, по плитам — к спасительным плинтусам. Виталя вошёл в туалет, пустил воду, выдавил колбаску пасты на щётку. Из окна дуло холодом. Оскалив зубы, он прилежно тёр их щёткой, белые капельки летели на зеркало. Зубы зверя. Доколе нам сна не знать?

2. Как в гамаке

Слухи о пиратских подвигах Витали были слишком преувеличены, и в первую очередь им самим. Он занимался спамом — рассылкой рекламных писем. Заказчиков, желающих себя таким образом прорекламировать, найти было непросто, они шли нарасхват среди других спамеров, но иногда заказы всё же случались, и Виталя получал хорошую прибавку к стипендии. Мастерство его профессии заключалось в том, чтобы пробиться к получателю писем сквозь многочисленные спам-фильтры, жестоко отсеивающие рекламу по ключевым словам. Например, если в тексте содержались выражения «предлагаем услуги», «продаём электронику», «сезон скидок», «опытный психолог», то такое письмо отправлялось почтовой службой прямиком в урну. Приходилось идти на различные хитрости, а самая простая и любимая из них состояла в сочинении абсурдного, но связного текста, который невозможно было бы расценить как рекламу. Сама же реклама вставлялась в виде картинки, которую текстовый робот не воспринимал. Такие уловки помогали не всегда, но зато, получив от какой-нибудь известной компании сообщение «ваше письмо прочитано», Виталя гордился собой и не стеснялся объявить товарищам, что ловко взломал очередную систему защиты.

Так он собирался поступить и в этот раз, разыскав почтовые адреса людей, хоть как-то связанных с коллайдером, и разослав им письмо с воззванием о помощи непризнанному гению — Валентину Валентиновичу. Это всё, что мог сделать Виталя. Поэтому на автомат по экзамену у Валентайна он не очень рассчитывал, но надеялся получить хотя бы зачёт по лабам.

Снимая штаны и укладываясь спать, Виталя сонно раздумывал, что можно бы написать совсем другой текст письма, о короле фруктов Валентайне, могущественном властителе апельсиновых плантаций, повелителе побережий, влияние которого простирается даже на микромир, и властью которого элементарные частицы объединяются в Абсолют. Нет, обидится ещё. Совсем сдвинулся наш Валентайн, укут его рано или поздно в психушку. Вечно пьяный. Хотя конечно весёлый мужик, ничего не скажешь. Побольше бы таких преподав. Виталя протянул руку к тумбочке и взял карамельку. Чтобы спалось слаще, как говорила бабушка. Сетка кровати пружинила и прогибалась под Виталей, поскрипывала. Говорят, в такой спать вредно, а мне нравится. Удобно, как в гамаке. И он заснул.

3. Прибыльная специальность

Виталя родился в семье мелкого виноградаря, владеющего гектаром земли в Гродненской области. Он продавал виноград на крупный завод и ставил немного домашнего вина для штучной продажи на рынке и для личного питья. Заветной мечтой бати была своя маленькая винокурня, и он сильно рассчитывал на Виталию — что тот поступит в аграрный университет, отучится, и уж тогда они вместе осияют! Следующая ступенька в хозяйстве, новый уровень жизни. Он посчитал затраты на строительство и оборудование, и вышло нелегко, но вполне реально — в кредит, конечно. А Виталя колебался. С одной стороны, коньячное производство в стране процветало, и батина мечта, воплотившись, сделала бы Виталию богачом годам к сорока. В школе с ним учились близнецы, сыновья фермера-соседа, владельца винокурни. С четырнадцати лет они приезжали на уроки на собственных авто — в холода на огромном джипе, а в жару на лаковом кабриолете. Их папа достраивал коттедж, похожий, несмотря на скромное название, скорее на родовой замок в современном стиле. Всё это говорило само за себя. Но с другой стороны, мысль о том, чтобы остаться крестьянином и всю жизнь проработать на земле, пусть и в качестве хозяина, наводила на Виталию тоску. Ему представлялась намного более заманчивой идея переехать в столицу и заниматься там интеллектуальным трудом. Например, программированием. Тоже ведь достойная и прибыльная специальность.

В год выпуска из школы вопрос решился сам собой. Виталя, закончив десять классов с золотой медалью и получив отличные результаты на тестах, всё равно не смог поступить в аграрный университет — из-за невероятно высокого конкурса, чуть ли не пятьдесят человек на место. Туда поступили только абсолютные вундеркинды и лауреаты специальных фондов. Зато на программирование Виталию приняли охотно и даже обеспечили бесплатным общежитием. Батя погоревал, но смирился. В конце концов, профильное образование в их деле не принципиально. Тем более он, будучи человеком неглупым и внимательным, замечал, что Виталя к винограду относится прохладно. Батя грустил, но не отчаивался. Подрастали две младшие дочки, умницы, любимицы. И кто знает? Может всё оно и к добру. Времена меняются, и женщины сейчас успевают не хуже мужчин, а то, глядишь, и лучше.

4. Не за внешность, а за ум

Когда Виталя переехал в город на учёбу, и отеческие надежды перестали его гнестить, ему зажилось куда привольнее и веселее. Посещение лекций контролировалось сквозь пальцы, экзамены случались всего лишь два раза в год, компьютер имелся, и даже интернет удалось подключить, хоть и очень заторможенный. Денег было мало, но добрый батя присылал из дома вдоволь вина, и Виталя быстро обзавёлся славными товарищами. Ни дня не проходило, чтобы они с соседями по этажу не устраивали дружеских вечеринок со спорами, идеями, хохотом, песнями под гитару и засыпанием вповалку на полу. Так пробежал первый семестр, за ним второй, потом промелькнули каникулы, и снова началась осень.

Но постепенно к Витале вернулась его старая тревога, зародившаяся ещё в старших классах школы: он был катастрофически непопулярен у девушек. То один, то другой соратник выбывал из компании, пропадая где-то вечерами, ночами, и появляясь в общаге с утомлённым и умудрённым видом. Большинство из них через некоторое время возвращались к прежней товарищеской жизни, снова беззаботно пили и веселились, но на каждом их слове и жесте Витале виделся несмываемый налёт зрелости.

Виталя не блистал красотой — блёклые редкие волосы, большой лоб, переходящий в ранние залысины, незрелый румянец, малый рост и высокий вес. Последние два обстоятельства особенно тяготили его. В глупом отрочестве Виталя с чёрным раскаянием считал, что не растёт из-за неоднократно случавшегося курения и пристрастия к онанизму — так пугали слухи — но, повзрослев и поумнев, он списал всё на семейную генетику. Новое объяснение ровно ничего не меняло, но хотя бы избавляло от чувства вины. Избыток веса объяснить было сложнее: худенький батя и тучная мать — кто из них должен влиять и почему? Младшие сестрёнки — обе худенькие. Размышляя о прожитой жизни и анализируя, Виталя остановился на том, что в детстве его раскормили бабушки: жирный творог со сгущёнкой, изюм со сметаной, бутерброды с маслом, ириски, пирожные-картошки и чай с четырьмя ложками сахара.

И чем меньше Виталя нравился девушкам, тем больше он робел, а чем больше робел, тем меньше нравился. Конечно, он неоднократно бросал вызов злему року — но на приглашение в кино или даже в театр все девушки как одна сказывались неожиданно занятыми или прихворнувшими. В итоге эта тема сделалась закрытой и болезненной. Для приятелей, чтобы не выглядеть жалким, он сочинил туманную историю о героических похождениях в родном посёлке, где ему чудом удалось избежать публичного скандала и принудительной женитьбы, и теперь он на некоторое время взял тайм-аут от губительного общения с бабами.

С мнением, что мужчину любят не за внешность, а за ум, Виталя мог согласиться только с большими оговорками: любят, да, но далеко не все. Витале действительно выказывали внимание две девушки, впечатлённые его хакерской славой. Одна из них училась в его группе, и была всем хороша, за исключением лица — наверное, она когда-то переболела тяжёлой болезнью, и её щёки и лоб сплошь покрывали рытвины и бугорки, которые не могла скрыть никакая пудра. Однажды они соприкоснулись ладонями, и Виталю поразила нежность и теплота её кожи. Стройная, женственная фигура, мелодичный смех, густые волосы — и непоправимо отталкивающее лицо. Нет, нет!

Другая девушка жила в общаге этажом ниже, и также была преисполнена всяческих достоинств, но она страдала от излишков веса ещё в большей степени, чем Виталя. Она походила на анекдотичных американских толстяков, и за глаза над нею смеялись, что папа оплатил ей усиленное трёхразовое питание в Макдоне на всё время обучения. Сам Виталя никогда не принимал участие в злых насмешках, испытывая на себе, что значит нарушенный обмен веществ, когда ешь совсем мало, но тело неудержимо тучнеет. А если совсем урезать рацион, то начинает болеть желудок, и тут уж задумаешься всерьёз, что для тебя важнее — загублен-

ное смолоду здоровье или десяток-другой лишних килограммов. Но даже при всём дружеском понимании он не мог представить эту толстуху своей девушкой.

5. Ароматный ветерок

Но иногда, в состоянии полусна, когда стереотипы слабли и рассеивались, те девушки вдруг приходили к нему в мечты, и он жарко принимал их. Освободившись от принятых стандартов, плоть становилась близкой, лакомой. Он поворачивался под тяжёлым одеялом, прижимаясь грудью к своим рукам, и представлял, что это — их руки. Нежные ладони однокурсницы, её полные губы, упругие бёдра соседки, гладкие, тёплые. Сжимал, надавливал, ласково двигался.

Но пора вставать!

Одиннадцать.

Протирая глаза, Виталя спустил ноги на пол, встал. Взял из холодильника початый пакет молока, налил в кружку, выпил, налил снова. Отрезал от булки два ломтя, намазал маслом. Расхаживая по комнате, ел. Надо позвонить Валентайну, чего время терять. Пускай даёт связный текст о своих открытиях и об опыте, а я вставлю всю эту муру в письмо. Доедая второй бутерброд, он присел на одеяло и притопывал по коврику. Несколько крошек упало на пол, и Виталя сгрёб их ногой под кровать. Пыль. Чья очередь убирать? Вроде не моя.

Допив молоко, Виталя взял телефон, подошёл к окну — там лучше ловилось — и вызвал номер Валентина Валентиновича. Пиип. Моросил дождик, окна соседнего общежития пустовали. На следующие выходные надо и мне к бате съездить. Пиип. Может, спит ещё? Хотя уже двенадцатый час. Старички должны рано просыпаться. Пиип. Ну, поднимай же!

— Алё! — сказал наконец детский голос.

Это ещё кто? Может, я номер неправильно записал?

— Здравствуйте. Мне нужен Валентин Валентинович. Я правильно звоню?

— Да, всё правильно, но он сейчас спит.

— Извините... А... а когда он проснётся?

В трубке молчали.

— Ладно. Спасибо. Я перезвоню попозже.

Вот дела! Ну ничего, попробую через час. Хотя что странного — суббота всё-таки. Может человек поспать в субботу или не может? Ещё накатил наверное вчера, после того как мы с ним. Схожу пока что в душ. Виталя собрал в пакет с надписью «Гродно V.S.O.P.» мыльницу, мочалку, шампунь и бритвенный станок, забросил на плечо полотенце, сунул в карман шорт ключи и вышел.

Душ находился в цокольном этаже. На лестнице Виталя встретил уборщицу, тяжело поднимающуюся вверх. В душ бежишь, Виталик? Беги, беги, там чистенько, я только что вымыла. Ты чего домой не поехал? На следующей неделе поеду, тётя Катя. На первом этаже он встретил Саню, сонно плетущегося в туалет. Саню, кто из наших остался? Хер знает, вроде из триста второй пацаны не уехали. А, ну подтягивайтесь вечером, у меня ещё вино осталось! Добро. Почему здесь не сделали лифт, думал Виталя, отдуваясь, вниз ещё куда ни шло, но вверх всегда так тяжело подниматься.

В коротком коридорчике, ведущем в душевые, стоял влажный и тёплый дух, чуть отдающий хлоркой. Виталя стягивал полотенце с плеча, готовясь зацепить его на вешалку, когда из женского отделения вышла девушка. Незнакомая, наверное первокурсница. Она, не заметив Виталю, подняла ногу назад и поправила шлёпанец. Этого мгновения хватило, чтобы Виталя охватил всю её глазами — мокрые светлые волосы, тяжёлая грудь под футболкой в капельках воды, ровные тонкие ноги в обтягивающем коротком трико. В паху её бёдра не соприкасались, оставляя между собой откровенный горизонтальный промежуток, и от этого нюанса у Витали захватило дух. Так бывает у фотомоделей на эротических сайтах! Она опустила ногу и про-

должила путь, коротко и равнодушно взглянув на Виталю. Посторонившись, чтобы дать ей пройти, он ощутил ароматный ветерок, возбуждённый движением её тела.

6. Несчастные лишние килограммы

Он почти обернулся к ней и почти уже сказал что-то независимо-весёлое, приветственное — но нет, не смог. Последнее обидное разочарование ещё слишком хорошо помнилось: дискотека на позапрошлой неделе.

Дискотеки устраивались на втором этаже, в актовом зале, пустом помещении размером в две жилые комнаты. Пару раз в месяц, по случайным дням без расписания, несколько особо активных пятикурсников, заручившись разрешением администрации, расклеивали во всех коридорах афишки с приглашениями, приносили стереосистему, мешок дисков и делали звук погромче. Приходили парни, тщательно скрывающие опьянение, приходили парочками нарядные студентки, по удалённой орбите кружила воспитательница, ненавязчиво следившая за порядком. Виталя и Мих, его сосед по комнате, стояли у распахнутого входа, небрежно опершись плечами на стену. В голубых джинсах и футболках с надписью «Vodka». Они надеялись с кем-нибудь познакомиться и были настроены очень оптимистично. Виталя специально купил кулёк сладких соевых батончиков, чтобы было чем угостить, устроил его в заднем кармане и время от времени ощупывал.

И вот. С лестницы в коридор свернули две девицы из соседнего общежития, обе стриженные и крашенные в жёлтый, в коротких юбках. Одна повыше, с толстыми губами и мясистым лицом, в короткой синей курточке, открывающей проколотый пупок, другая — черноглазая, с неправильными чертами, с клетчатым платком на плечах. Отлично! Как раз то, что нужно! Виталя шагнул навстречу и стал непринуждённо знакомиться. Они косились, посмеивались, и были если не восторженны, то вполне благосклонны. Мих стеснялся и почти не говорил, но зато выглядел мужественно — молчалив, подтянут и широкоплеч. Без лишних слов они с неправильной девушкой нырнули в тёмный, освещённый только огоньками стереосистемы зал и стали танцевать где-то у дальнего окна.

Виталя, улыбаясь, потянул туда и мясистую. Она с непонятным неудовольствием спросила, почему он всё время улыбается. Виталя сделал вид, что не расслышал — музыка действительно гремела — но уязвился и постарался согнать улыбку. Они дёргались в темноте, в ритме транса, лицом друг к другу, и девушка казалась ему по-настоящему прекрасной. Вот оно! Не упusti. Глаза её поблёскивали, но она смотрела в сторону, вниз, не на него, хотя он ни на секунду не забывал втягивать живот. А потом начался медленный танец, и её, неожиданно воспользовавшись паузой в разговоре, пригласил парень с четвёртого этажа. Даже не взглянув на Виталю, она пошла с парнем, и они топтались на месте под томные завывания тенора, обнявшись. А потом снова заиграло быстрое, парень стянул рубашку — красиво накачанный торс — и они прыгали, покачивали тазами, и она явно не спрашивала, чему тот улыбается. Улыбалась сама. Виталя пытался подвинуться к ней в танце, притереться, но она отворачивалась, отходила, смеялась парню с четвёртого. Они пили минералку из бутылки, парень плеснул себе на голову. Пена, хохот. С досадой Виталя сел на стул и сидел до самого конца, утешая горечь соевыми батончиками и мрачно наблюдая, как все постепенно расходятся: Мих с неправильной, парень с четвёртого — держа мясистую за талию. Все парами. И только он.

«И всё из-за каких-то несчастных лишних килограммов!» — думал Виталя, заново переживая огорчение и с силой натирая тела мочалкой.

7. Коньяк ему купи!

— Алё! — в третий раз сказал детский голос.

— Привет, это опять я. Валентин Валентинович уже проснулся?

— Он вставал ненадолго, но теперь снова прилёт.

— Это твой дедушка, да? Разбуди его, пожалуйста! У меня срочное дело! Не бойся, он не рассердится, уже два часа, пора вставать.

Девочка послушалась и пошла будить Валентина Валентиновича. Виталя решил, что успеет съесть бутерброд, и успел. В трубке с минуту шуршало, доносились невнятные слова.

— Слушаю, — голос Валентина Валентиновича был хрипл.

— Здравствуйте. Это Виталий. Я уже начал работать. Мне теперь нужно подробное описание вашего эксперимента.

— Ааа, Виталий, ну конечно. Так что же вы? Приходите. Адрес помните? Приходите-приходите, я вас жду!

— Хорошо. Иду.

— Стойте, стойте, погодите! Виталий, не могли бы вы по пути зайти в магазин и купить бутылочку коньяка? Отечественного производства. Любого, совершенно любого.

— Валентин Валентинович! — возмутился Виталя, — У меня ни копейки! До стипендии ещё неделя!

— Да? Извините меня, Виталий, извините. Тогда не нужно ничего, просто приходите.

И положил трубку. Кажется, так и не проспался, хотя кто его разберёт. Совсем обалдел! Он хоть знает, сколько нам стипендии платят? Коньяк ему купи! Нет, надо себя твёрдо держать. Один раз купишь — потом вообще на шею сядет. Довольный собой за то, что поставил препода на место, Виталя съел пару пряников, допил молоко, проверил напоследок почту и захлопнул за собой дверь. В конце коридора шла вразвалочку тётя Катя с ведром и шваброй, тряпка свисала. Если б она была помоложе... А то ведь лет шестьдесят, не меньше.

На улице моросило, но слишком слабо, чтобы возвращаться за зонтиком. Капюшон. Безлюдно. Начало субботы, все лентяят по тёплым квартиркам. Навстречу прошли трое, подвыпившие работяги. «Ты меня понимаешь, братан? Или ты меня не понимаешь?» У входа в полуподвальный ресторанчик курили две официантки в форменных фартучках. О чём они разговаривают? Та, что повыше — особенно хороша. Как она отставила ногу! Даже не взглянут, сучки высокомерные.

8. Самоуверенная юность

Девочка, которая отвечала ему по телефону, оказалась худенькой, черноволосой, лет десяти.

— Привет! Меня зовут Виталик, я к Валентину Валентиновичу. Я звонил.

— Заходите.

Она, наверное, собиралась уходить — зелёная куртка, аккуратно заправленные в воротник волосы. Виталья нагнулся развязать шнурки, а она пошла в комнату.

— Валентин Валентинович, просыпайтесь, к вам пришли!

Значит, до сих пор спит. Неудивительно! Похоже, он всю ночь пил. В квартире стоял мутный алкогольный дух, и Виталья сделал было хозяйский шаг на кухню, открыть форточку, но Валентин Валентинович уже звал его:

— Виталий! Виталий! Подите сюда!

Валентин Валентинович, в костюме, галстук и бархатных тапочках, лежал на диване под красным пледом. Увидев Виталю, он откинул плед и спустил ноги на пол. Пиджак его неприлично помялся, рубашка вылезла из-под пояса, штанины перекрутились вокруг ног, всклокоченные волосы торчали пучками. Настоящий безумный профессор!

— Хорошо, что сегодня суббота и лекций нету, правда, Валентин Валентинович?

Валентин Валентинович, не отвечая на фамильярность, указал на журнальный столик, где стояли две бутылки коньяка: французский Rémy Martin и минский Кристалл. Кристалла оставалось не более четверти, а Rémy Martin, из матового стекла, не просвечивался. Виталья внимательно рассмотрел бутылки, конический стакан — ничего такого — и перевёл взгляд назад на Валентина Валентиновича. Тот настойчиво продолжал указывать и даже потряс пальцем, требуя особой пристальности.

— И что?

— Доказательства, Виталий! Вот доказательства.

— Не понимаю. О чём вы говорите?

— Виталий. Не препирайтесь. Возьмите и попробуйте. И вы всё поймёте сами.

— Да не хочу я ничего пробовать! Объясните сначала, что вы хотите сказать?

— Виталий. Объясняю. Мой эксперимент проведён успешно. Всё подтвердилось. Абсолют материализован. Коллайдер не понадобился. Не волнуйтесь: вы в любом случае получите свои зачёты и оценки, раз я пообещал.

— Валентин Валентинович... — Виталья морщился от этой бессвязицы. Он сожалел, что пришёл — доцент несомненно был пьян и разговаривать с ним не имело никакого смысла.

— Да послушайте же вы! Да посмотрите же! — Валентин Валентинович понял ход его мыслей и говорил уже гневно, — Вот оно, воплощение Бога! Маленькая девочка, в которой сосредоточен мой лагранжиан! Вероника, подойди сюда, пожалуйста. Вам хочется доказательств, Виталий? Я тоже их хотел — и я их получил! Извольте попробовать — коньяк Кристалл значительно лучше, чем Rémy Martin. И это сделала она. Пробуйте, ну!

— И коню понятно, что Кристалл лучше, — Виталья с досадой осматривался, не зная, что ему делать теперь. — Вы б ещё Гродно V.S.O.P. сравнили для смеха. Как будто вы раньше не знали, что французские коньяки — сплошная сивуха. Ладно, Валентин Валентинович, пойду я, наверное. А вам бы позавтракать неплохо.

Валентин Валентинович рассмеялся, легко забыв свой гнев, как это часто случается у пьяниц.

— Слепец! Эх вы. Самоуверенная юность. Идите, идите, я вас не удерживаю. Вы ещё все вернётесь, с восторгami и нобелевскими премиями. Но знайте, мне это неважно, я двигаюсь

дальше! — он встал, качнулся и снова сел. — Только одна к вам просьба: отведите Веронику домой. Её мама уже вернулась и волнуется.

9. Странное желание

— Далеко идти? — спросил Виталя девочку, когда они спускались по лестнице.

— Нет, в этом же доме, третий подъезд, — держась за перила, она перескакивала через две ступеньки и приседала, приземляясь.

— А как ты вообще у него оказалась? Я подумал сначала, что ты внучка.

— Никакая не внучка. Валентин Валентинович прочёл свою формулу, и в меня локализовался Абсолют. Хочешь, я пойду с тобой и выполню все твои желания?

Они вышли на улицу и остановились у скамейки. По-прежнему шёл дождик. Из кустов выглядывала кошка, опасливо пригнувшись к земле.

— Тебе понравилась эта игра, да? Будешь теперь всех дурачить?

— Какой ты недоверчивый! Хочешь, проверим? Давай, загадай что-нибудь!

Виталя засмеялся. Вот, оказывается, чем развлекается Валентин Валентинович спяну — придумывает игры для маленьких девочек. Своих внуков нет, вот он и. Старым людям нравятся играть с детьми, умиляются. А что она будет делать, когда не сможет выполнить задание? Он обернулся по сторонам, придумывая. Сделай, чтобы эта кошка залаяла! Вероника стала смотреть на кошку. Та привстала, прижала уши и выгнула спину дугой, шерсть на позвоночнике угрожающе вздыбилась, хвост толсто распушился. Она сделала шаг к Витале, оскалилась — и вдруг звонко тьякнула, как тьякают маленькие вздорные собачонки на поводках у старушек. Кошка сделала ещё один шаг, явно намереваясь вцепиться Витале в штанину. Он вздрогнул и отступил.

— Ну что, я победила? — Вероника отвела взгляд от кошки, и та тут же скрылась в кустах.

— Офигеть! Но как ты это сделала?

Девочка молчала, подразумевая, что вопрос глупый и не заслуживает ответа. Пошли, сказала она, пошли погуляем, я не хочу идти домой. Они медленно двинулись вдоль дома, свернули на улицу. Виталя был ошарашен и не находил, что сказать. Он утёр рукой мокрый от дождя лоб и посмотрел на ладонь. Капли стекали. Магазин. Может, ей мороженого купить? Хочешь мороженого? Нет. А я хочу. Он забежал за пломбиром в вафельном стаканчике, и она терпеливо ждала у входа. Слушай, а мама, тебе разве не надо к маме? С мамой уже всё в порядке. Он не понял, но не стал вникать.

— Давай-давай, загадывай настоящие желания, — снова предложила Вероника, — есть же у тебя настоящие желания? Что тебе нужно для счастья?

Что мне нужно для счастья? Он облизывал пломбир, оттягивал время. Ему казалось, что он попал в бред. Вот вчера же ещё всё было нормально — и вот.

— Ну хорошо. А что пожелал Валентин Валентинович?

— Чтобы местные коньяки были самыми лучшими на свете.

— Странное желание! Ведь они и так самые лучшие? — Виталя уже ни в чём не был уверен.

Вероника пожала плечами. Они шли. Восьмой учебный корпус. Библиотека.

10. Не мелочиться, не торопиться

— Тогда сделай так, чтобы я нравился девушкам! — решился Виталя.

Эти слова стоили ему большой внутренней борьбы — ведь признаваться в таких вещах было постыдно, а тем более маленькой девочке. Но он собрался с силами и выдал просьбу, а теперь ожидал ответа, глядя под ноги. Сейчас она начнёт расспрашивать — да что, да почему. Бррр.

Но Вероника только коротко сказала: ок.

И ничего не изменилось.

А впрочем, что должно было измениться? Лужи, холодные ручейки. Виталя повёл девочку к общежитию, чтобы не ходить без толку под дождём. Они шли той же дорогой, по аллее с тополями, мимо того же полуподвального ресторанчика. Смотри! Вероника кивнула на вывеску с изображением свиной тушки, схематично разделённой на участки с цифрами. Забавно, да? Они стали читать меню в стеклянной рамочке под вывеской. Канapé на белом хлебе, валованы, тарталетки, грибной кокот, сыр с виноградом. Виталя, хоть и не понимал большую часть названий, голодно сглотнул. Пойдём ко мне, поедем чего-нибудь, сказал он Веронике. И они уже почти пошли, но тут дверь между высокими садовыми фонарями открылась, и вышли две официантки. Те самые, снова курить. Они о чём-то говорили и пересмеивались, доставая сигареты и зажигалки из узких чёрных джинсов, и одновременно взглянули на Виталю. Этот момент ему запомнился: весёлые улыбки на их лицах мгновенно погасли, сменившись растерянным ошеломлением, как будто к ним подкатил на лимузине голливудский киноактёр или сошла со сцены британская рок-звезда с гитарой в руках. Официантки просто пожирали его глазами, и Виталя застеснялся.

— Спускайтесь к нам, молодой человек! — попросила одна, видя, что он собирается уходить. — У нас сегодня субботнее меню!

— У нас спортбар! Большие плазмы, прямые трансляции, немецкое пиво! Вы любите отварных раков? — поддержала вторая, но первая оборвала её, осуждающе дёрнув за фартучек.

— Стейк из лосося! Каре ягненка с гранатовым соусом!

— А вашей сестрёнке — коктейли и торт!

— У меня нет денег, — мрачно отрезал Виталя, украдкой посмотрев на Веронику. Она безучастно рассматривала схему свинки, покачивая головой. Попросить? Нет, не буду мелочиться, подумал он. Не буду торопиться. Достаточно и того, что.

Официантки начали объяснять что-то о дисконтных картах и времени бизнес-ланча, но Виталя поблагодарил, отвернулся и потянул Веронику за рукав — идём. Чуть погодя он обернулся — девушки провожали его взглядами и перешёптывались. Помахали ему руками и крикнули: заходите в другой раз!

11. Любая влюбится

— Тебе сколько яиц поджарить?

— Одно.

— Ты любишь глазунью? Или накрыть сковороду крышкой, чтобы желток запёкся?

— Мне всё равно. А хотел бы ты собачку?

— Собачку? Нет. Тем более здесь нельзя.

Они обедали просто, но плотно: широкая яичница с сыром, булка с шоколадным маслом, солёные грибы, помидоры и домашнее вино. Вероника осматривалась и расспрашивала о плакатах на стене: это кто? А это кто? Это Брижит Бардо. А это Катрин Денёв. Витале нравились старые актрисы. Ну в смысле не по возрасту старые, а по времени, поправился он. Они уже умерли? А фиг их знает, может и умерли.

В дверь постучали — это была тётя Катя. В нарядном платье с крупными розами и лилиями, она ласково улыбалась и держала в одной руке конверт, а в другой промасленный свёрток из пергаментной бумаги. В конверте было письмо для Витали, а в свёртке было сало.

— Сама солила, Виталенька, — приговаривала она, разворачивая, — На рынке купила и засолила, сама, сама, всё сама. Очень вкусное сало. Посмотри, какие прожилки! Это свинку кормили разным кормом по очереди, чтобы были прожилки. Настоящее деревенское сало. Режь, режь, по кусочку, себе и девочке. Как тебя зовут? Ты сестричка, да? Красавица! Молодец, что приехала к братцу, уж он, наверное, так по дому соскучился. Здесь даже шкурку можно кушать — нежная.

Она переступала по полу толстыми отёкшими ногами, а глаза её увлажнялись от удовольствия при виде того, как Виталья отрезал сало и накладывал на хлеб. Когда он откусил и зажевал, она не удержалась и провела ладонью по его затылку. Для Витали этот визит и эти ласки были полной неожиданностью — раньше ничего подобного за тётей Катей не наблюдалось. Ну и дела, думал он. Я конечно хотел нравиться девушкам, но разве ж это девушка? Хотя логично, если вдуматься, любви все возрасты покорны и всё такое. Он налил тётке Кате вина в кружку, она чокнулась с ним и присела на кровать, расправляя подол на коленях.

— Хорошо вы здесь живёте, Виталенька, молодцы. Всё чистенько, аккуратно, красиво. И соседи у тебя хорошие ребята подобрались. А жениться не думают ещё? И правильно, рано ещё, учиться надо, лучше об этом и не думать пока. А девушка-то есть у тебя, Виталенька? Чего стесняешься? Есть у него девушка, Вероничка? Такой парень видный, просто загляденье! Любая влюбится. Вы кушайте, кушайте, отрезайте сало ещё, это всё вам. У меня вот дочка младшая, тоже в институт поступила, на третьем курсе. Чудо, а не девушка — и милая, и послушная, и рукодельница, и на аккордеоне играет. Только б ей парень попался правильный, — она со значением смотрела на Виталю, — В наше время не так-то просто хорошего парня найти. И красивая, и умница. Я тебе фотокарточку покажу потом, да?

Когда тётя Катя наконец ушла, Вероника спросила Виталю — счастлив он теперь или нет? Виталья сказал, что пока ещё нет, но очень скоро будет, без сомнений.

— Спасибо тебе! Ты просто не представляешь. Теперь всё пойдёт по-другому. А я? Ну, что мне нужно сделать? Для тебя? За то, что ты?..

— Ничего не нужно! Это подарок. А когда я вырасту, ты женишься на мне!

Такого оборота Виталья не ожидал и нахмурился. Но, кажется, она просто шутила. Он закрепил шутку: ответил горячим согласием, посмеялся, а сам прикинул, что вырастет она лет через десять, не раньше. Времени ещё много. Она, наверное, красивой будет — вон как смотрит. Почему бы и нет, мне уже будет под тридцать. Тридцать — это было так далеко, почти нереально, и Виталья успокоился совсем. Заварив чаю, выложив на тарелку печенье и подвинув Веронике банку с клубничным вареньем, он взял письмо, которое принесла тётя Катя. Письмо

приходило ему впервые. На первом этаже у вахты висел ящик для почты с ячейками по первым буквам фамилий, и он иногда туда заглядывал. Один раз ему пришла просроченная повестка, и всё.

12. Понеслось

На конверте было много мелких марок. Саша К. Ах вот это кто! Учились в одном классе, она была самой красивой девочкой, о которой мечтали все. Но совершенно неприступная. Письмо изначально адресовалось в его деревню, но папа, не зная, как скоро Виталия приедет домой, переслал его в общежитие. И что же она от меня хочет? Бледно-жёлтая бумага в тонкую клеточку.

«Здравствуй, Вит. Я никогда не написала бы тебе, оставаясь той, кем я была до сих пор. Но теперь я решила измениться, твёрдо решила, и перед шагом в новую жизнь я должна высказать тебе всё, что составляло прежнюю меня все эти долгие годы. Я целиком состояла из тебя, Вит. Я пропиталась тобой, как пропитывается вечерний воздух ароматом сирени. Без остатка. Каждый мой день состоял из тебя, твоего светлого лица и солнечной улыбки. По ночам я не могла спать и мечтала, ты стоял передо мной, прекрасный Давид из учебника истории, мужественный, великодушный и такой далёкий. Мне достаточно было одного лишь взгляда на тебя утром, когда ты входил в класс, юный бог, и я чувствовала твоё присутствие всем своим существом. Когда тебя вызывали отвечать, я опускала лицо, не в силах смотреть, и только стук сердца, только твой голос. Мне казалось, что если наши взгляды встретятся, ты всё поймёшь, и я пропаду, растворюсь в твоих глазах, и весь мир задрожит и накренится. Люблю тебя, Вит, и буду любить тебя всегда. Но мы никогда не увидимся, я знаю, я так решила. Ты недостижим, как весеннее небо, как звезда. Знаешь, я даже хотела себя убить, но не от печали, а от счастья любви, чтобы смерть остановила и запечатлела его навсегда. Хочется петь и плакать, когда я вспоминаю те дни, когда ты был так близок ко мне. Я закрываю глаза, и мне кажется, что я могу дотянуться до тебя рукой. Прости, что я пишу тебе это письмо, но я должна сказать, ты должен знать. Теперь, когда я...»

Ну вот, подумал Виталия, оторвавшись и переведя дух, ну вот, понеслось.

Тут в дверь снова постучали, и он отложил письмо.

— Привет, Виталь, это мы!

Те самые девицы с дискотеки, с раскрашенными лицами: мясистая с лиловой помадой и сиреневыми веками, а черноглазая — с ярко-красными волосами и губами, с синими ресницами. Обе в откровенно обтягивающих спортивных костюмах и коротких курточках.

— Все разъехались на выходные, и у нас ужасно скучно! Ты не против, если мы у тебя посидим немножко?

Они устроились на той же кровати, где ещё не распрямилась тяжёлая вмятина от тёти Кати. На предложение вина или чая они охотно согласились, сначала на чай, а потом сразу и на вино. Виталия достал из шкафа новую бутылку, откупорил и разлил по кружкам. Ой, какое вкусное, сладкое, что это за сорт? Какие красивые кружки, это откуда? Виталия напрочь не помнил, как их зовут, а спросить было совестно, ведь он сам с ними познакомился совсем недавно, на позапрошлой неделе. Это кто? А это кто? Это Брижит Бардо. А это Катрин Денёв. Мне нравятся старые актрисы. Хихи, только старые? А молодых ты не любишь? Они весело пружинили на матрасе и болтали ногами. Садись с нами! Виталия чувствовал, что пьянеет. Веронику шум ничуть не стеснял, она спокойно и неторопливо лакомялась вареньем — не съедая сразу ягоду, а осторожно откусывая. Рассматривала гостей.

— Привет, девочка! Как тебя зовут? Сестрёнка, да, Виталь? В каком ты классе? Ой, а можно мы покурим? Вероника, ты на нас не смотри, мы просто балуемся, а вообще это вредно, — мясистая выпятила губы, прикуривая тонкую сигаретку.

— Жить вообще вредно! — традиционно добавила черноглазая.

— Хахаха!

— Хахаха!

— Виталь, а пойдём с нами на вечеринку завтра! У нас одни девчонки, а парней нету.

— А нормальных вообще нету!

Мясистая касалась его ноги коленкой, и Виталя волновался. Ему было жарко, он чувствовал, что его лицо неприлично горело. Давайте откроем окно, здесь так душно! Да, давайте! Вероника не замерзнет, она же в куртке. Вероника, ты почему в куртке? Снимай! Нет, пусть не снимает, а то ещё простудится! Ой, правда, я как вспомню, как я болела! Ужас, неделю не могла выздороветь! И справку в поликлинике не давали — температуры не было! Они болтали без умолку, но при этом Виталя не мог сообразить, о чём с ними говорить. Но как-то участвовать было нужно. Давайте сыграем в карты? Да, давайте! Он вытащил из тумбочки колоду карт и начал раздавать. Мясистая, подняв голову и выпустив вверх струю дыма, потянулась к пепельнице и опрокинула свою кружку с вином.

— Ну что ты ДЕлаешь! — воскликнула черноглазая с истеричным ударением на первом слоге. — Посмотри, что ты сделала, коза!

Она вскочила, отряхивая ногу. На постели расплывалось красное пятно, закапало на пол. Сейчас, сейчас, подождите! Виталя побежал на кухню за тряпкой.

13. Парень с четвёртого этажа

В коридоре, неподалёку от его комнаты, сидел на корточках парень с четвёртого этажа. Он привалился спиной к стене и смотрел куда-то вверх. Виталя часто видел его, и даже воспылал к нему злобой на той дискотеке, но знакомы они не были. Он прошёл мимо, торопясь на кухню. Пустил воду, намочил тряпку. Парень стоял в дверях.

— Ты что, таким крутым себя считаешь? Думаешь, если красавчик, то всё дозволено?

— О чём ты вообще? — оторопел Виталя.

На его взгляд, парень сам был красавчиком, настоящим мачо: белая майка с узкими бретельками облегалась мощную грудь и подчёркивала загар, явно морского происхождения. Бицепсы и плечи рельефно выпучивались. Широкий и мужественный подбородок, чётко очерченные губы, прямой нос, высокий лоб, лихая причёска со стриженным затылком и зачёсанным набок чубом — Виталя тут же почувствовал себя неполноценным уродцем. Пузо-пузо, три арбуза.

— Думаешь, если тебе так в жизни повезло, то о других можно ноги вытирать? — его голос глухо вздрагивал. — А что, если я сейчас разобью тебе всё твоё хорошенькое личико? Личиком о стену, а?

— Да о чём ты говоришь? Что я тебе сделал?

— О чём я говорю? Да? Я говорю о девушке, которая сидит сейчас в твоей комнате! Это моя девушка, понимаешь? И я не потерплю, чтобы какой-то...

— Эй, погоди! Они просто зашли посидеть! Две подружки! Ничего такого! Которая из них твоя девушка? Мы играем в карты. У меня там и сестра, чай пьёт с вареньем. Пошли с нами, хочешь? Выпьем вина. Или иди заberi её — разве я против? Давай, иди! А я здесь подожду.

Парень сдуплся и обмяк.

— Чёрт, — сказал он с тоской, запустив пальцы в чуб, — почему я не могу быть таким, как ты? Вроде и ем много, и сладкого, и жирного, и на ночь! И двигаться стараюсь поменьше... Не могу поправиться, и всё. А руки наоборот мясистые. А тут ещё маманя упростила с ней на море съездить, и видишь — загорел, как последний крестьянин. Знаешь, как трудно девушку найти? Тебе этого не понять...

— Брось, что ты несёшь! — Виталя было дико слышать такие слова, но удовольствие и восторг подступали откуда-то снизу, с самых ног. — Меня Виталя зовут, будем знакомы? Так пошли, что ли, ко мне? Посидим, музыку послушаем, в дурачка сыграем.

— Нет... нет... — парень обречённо качал головой, так и не представившись. — На фоне тебя я буду выглядеть смешно. Я лучше подожду, пока она сама придёт ко мне.

— Ну нет! — Виталя слишком хорошо представлял его чувства, — Иди и сам её уведи. Не кисни! Давай. А лучше обеих заberi, у меня куча дел, а им нужно слишком много внимания. Давай!

14. В каждую складочку

Чувствуя себя справедливым и великодушным, Виталя стоял у окна кухни и слушал звуки в коридоре — стук двери, голоса, шуршание, смех. Шаги шлёпанцев.

— Ты здесь? А я тебя ишу.

Он обернулся — девушка, которую он видел в душе. Коротенькое чёрное трико, серая футболка с забавной собачкой из мультика, приподнятая на груди. Он не осмеливался откровенно разглядывать её и смотрел в лицо. Светло-голубые глаза, светло-русые волосы, по-спортивному собранные в хвостик. Невыразительные черты, но живой яркий взгляд, слегка исподлобья.

— Там в душе лампочка перегорела. Я взяла у вахтёрши новую, но старую боюсь сама выкручивать — у неё колба отвалилась, висит на проволочке. Ты мне поможешь?

Она пошла впереди, а Виталя за ней, послушный, как щенок. Все мысли пропали в его голове, и он только смотрел, как она идёт, без малейшего намёка на вульгарные покачивания, свободной походкой богини-охотницы. Половинки её аккуратно-округлой попки ритмично напрягались, а спина оставалась ровной и неподвижной, расширяясь к плечам стройным треугольником. Сегодняшние гости казались теперь Витале жалкими дурнушками, и он с благодарностью подумал о парне с четвёртого этажа. Спускаясь по лестнице и опередив его на пролёт, она подняла голову и задорно сообщила, что её зовут Катерина. Катя, Катя, повторил он, чтобы сразу же не забыть.

Лампочка в женском отделении душа и впрямь болталась на проводке. Виталя привстал на цыпочки и осторожно ухватился пальцами за чуть торчащий из патрона ободок цоколя. Надо было бы отключить свет, но он не мог поступить так трусливо. Поддалась, пошла. Он крутил. Вот она, есть! Но на последнем витке колба оторвалась, полетела вниз, на кафельный пол, и звонко разбилась, брызнув осколками.

— Стой! Не двигайся, — сказал Виталя как можно суровее.

Он нагнулся и стал собирать тонкие скорлупки в ладонь. Ай! Чёрт! Вонзилась. Он поднял ладонь к глазам, разглядывая стиг пальца. Катя шагнула к нему: выбрось, потом соберём! Она потянула его в полосу света, падающего из мужского отделения. Взяла его руку, точными ноготками сжала острое стёклышко, вытащила из кожи, стряхнула. Выступила кровь. Она подняла палец к губам, присосалась. Водила языком по ранке, глядя ему в глаза. Дезинфекция. Он стоял, замерев. Она оставила ранку и прильнула к нему, поцеловала в губы. Он знал, что так будет. Ещё раз, долго. Её язык был сильный, прохладный, чуть солёный от крови. Виталя робко положил ей руки на плечи, а она залезла ему под рубашку и быстро гладила. Везде, везде. Виталя с ужасом думал о своих жирных складках: вот, вот, сейчас ей станет противно. Снимай, снимай, шептала она. Он заражался её жаром, внизу стремительно набухало. Она отпрянула от него и одним движением стянула с себя футболку. Невероятно красивая! Вот так, с поднятыми руками! Виталя уже терял контроль над собой и над своими мыслями. Она спустила трико на пол, переступила через него, повлекла Виталю под душ. Грудь упруго вздрагивали. Она открыла воду, струи с шумом ударили. Он судорожно расстёгивал пуговицы, она помогала, дёргала, рвала. Как ты прекрасен! Она целовала его в грудь, в живот, нежно гладила мокрыми ладошками его пышные бёдра. В каждую складочку.

Глава 4. Валера, сантехник

1. Гордая старушка

Валера снял с бачка тяжёлую крышку и сразу всё понял. Кронштейн, на котором держался резиновый клапан, проржавел и переломился. Клапан потерянно лежал в стороне от водостока, струя непрерывно лилась в унитаз. Это был бачок устаревшей конструкции, запчастей к таким моделям Валера с собой не носил. Но не покупать же бабуле из-за кронштейна, одной железки, новый механизм! Она на такие деньги неделю живёт.

— Бабуля! — позвал он, высунувшись из туалета.

Она стояла недалеко, наготове, и сразу зашаркала к нему.

— Бабуля, у тебя проволока дома есть?

— Что?

— Проволока, говорю, есть у тебя? Любая пойдёт, но чем крепче, тем лучше.

— Что? Проволока?

Бесполезно ей объяснять. Моргает из-за очков, ничего не понимая. Скрюченная худенькая спина, халатик в турецкие огурцы, тапочки. Сильно за семьдесят. Страшные руки — вены, жилы, суставы, коричневые пятна. Моя мама по сравнению с ней ещё огого. Жалко её — и как она только живёт одна? До магазина хоть дойдёт? Хотя вроде к ней социальный работник должен быть приставлен.

— Бабуля, а спицы у тебя есть? — осенило Валеру. — Вязальные спицы?

— Спицы? Спицы есть.

— Дайте мне одну спицу ненужную — и я всё починю.

— Спицу? Сейчас дам.

Она зашаркала в комнату. Куда ей вязать, совсем слабенькая. Валера сел на унитаз и ждал. Вода под ним журчала. Вместо туалетной бумаги у бабули на боковой полочке лежала бесплатная рекламная газета, порванная на полоски. А что? Раньше все люди так жили, и нормально. Только её нужно помять как следует. И почитать можно. Бабуля уже несла из комнаты спицу, в вытянутой руке. С пластмассовым кружочком на конце. Валера достал из сумки пассатижи — согнул спицу раз, примерился, согнул два, извлёк ржавые обломки, вставил. Подёргал ручку бачка — хорошо. Спица толстая, за пять лет не ржавеет. Бачок наполнялся водой.

— Всё бабуля, готово! Принимай работу.

— Спасибо тебе, сыночек.

Она вынула из кармана кошелек. Стальная застёжка с шариками крест-накрест.

— Будь здорова, бабушка! Я пошёл. Звоните, если что.

— Стой, куда ты, а деньги.

— Да какие деньги, пять минут работы.

Но она ухватила его за рукав костлявыми пальцами — сильная! — и не пускала. Совала ему тёмные бумажки. Ну не вырваться же?

— Бабуля, давай я в следующий раз ещё что-нибудь сделаю, и тогда заплатите.

Нет. Всунула. До свиданья, сыночек, до свиданья, спасибо. Гордая старушка, не хочет, чтобы бесплатно. Эх. Сколько там? Ну ладно, что. Пива куплю. На сегодня у Валеры больше не было работ. Он вышел на улицу, вдохнул сырого воздуха. Пять часов. Куплю пива и пойду в парк.

2. Слава вундеркинда

Валера был прирождённым сантехником. Мама любила вспоминать, как он, ещё до школы, регулярно прочищал иголкой дырочки в душе — от извести, чтобы струйки били ровно и равномерно. Мама говорила — хотя сам Валера этого не помнил — что он часто сидел на корточках под раковиной в ванной или на кухне, разглядывая переплетения труб, прикасаясь к ним, вслушиваясь в журчание вод. Именно в таких выражениях и говорила. Мама. Восторженная и непрактичная дама, мама работала в книжном магазине продавцом и имела склонность поэтизировать прошлое и вообще жизнь. Эта непрактичность сначала сильно мешала ей — все мужчины, с которыми она сходилась, пользовались её восторженностью, быстро добились своего, а потом охладевали и пропадали. И только к тридцати годам ей посчастливилось повстречать серьёзного человека, будущего папу Валеры, который трудился плотником на мебельной фабрике и зашёл перед Новым годом в книжный, чтобы купить календарь. Он искал такой календарь, на котором были бы отмечены красным цветом все выходные дни, плюс, желательно, церковные праздники. Его голубые глаза, с особенным оттенком осенних небес — так она говорила — с первого же взгляда заставили её сердце восторженно встрепенуться и забиться. Они обстоятельно выбрали календарь, познакомились, а вскоре и поженились.

Папа не был романтичным человеком и не прочёл до конца ни одного из поэтических сборников, принесённых мамой из магазина. Но она любила его за твёрдый рабочий характер и за сильные ладони, сплошь покрытые ровной трудовой мозолью, воспетой Некрасовым. Детей у них долго не получалось, хотя они оба очень этого хотели. Но на шестой год звёзды стали в благоприятное положение, и Валера наконец родился. Сплетницы на скамейках у подъезда за глаза намекали, что отец его вовсе не плотник, но маме, светлой душе, не в чем было себя упрекнуть.

Валера рос похожим на отца. Некрасиво худой и не слишком смышлённый, он отставал по математике и языкам, но был лидером на трудах и на физкультуре. Свой первый смеситель он починил в двенадцать лет, почти голыми руками, пользуясь только гаечными ключами из велосипедного набора. Маминых книжек он не читал, но однажды поразил её словами о водопроводе — он представляется Валере кровеносной системой дома, с артериями несущих труб, капиллярами разводки по квартирным кранам и венами канализации. С тех пор она уже не сомневалась, что он в глубине души настоящий поэт, но поэт не на бумаге, а в самой жизни — и охотно прощала ему равнодушие к литературе. На день рождения они с папой подарили Валере ящик с инструментами. Валера тут же воспользовался им, с блеском разобрал и прочистив слив у соседей, чем снискал славу вундеркинда у всех женщин подъезда.

3. Толстые сволочи

Вопрос о том, чем заниматься после школы, даже не стоял. Валера поступил в училище на специальность «Сантехнические сети» и быстро стал любимцем всего преподавательского состава. Он редко открывал учебники и не всегда владел принятой терминологией, но чувствовал теорию сердцем. Он мог так обстоятельно, живо и образно рассказать принципы построения любого устройства, от кухонного крана до водонапорной башни, что в глазах старых, умудрённых опытом учителей мелькала мечта, их взгляды туманились, и каждому вспоминалась своя молодость, такая же яркая и многообещающая. Ему хором пророчили бурное будущее, с поступлением в колледж или даже в институт, но сбыться этому было не суждено — Валере пришла повестка в военкомат.

Служба в армии в те времена не пользовалась популярностью — многие однокурсники Валеры ловчили, изобретали болезни, придумывали нуждающихся в опеке родителей, срочно женились и заводили младенцев, или даже откупались взятками, кто побогаче. Но папа Валеры презирал мелочную суету и обывательскую слабость, он считал, что армия пойдёт сыну на пользу и сделает его мужчиной. Мама, держа в уме Лермонтова и Гумилёва, полностью соглашалась с супругом. Ей нравились военная форма, отвага, храбрость и бодрые марши в исполнении мужского хора. Лерочка, иди, посмотри! — звала она Валеру к телевизору во время военных парадов. Гляди, как маршируют! Какие мощные танки! Какие огромные ракеты! Какие стремительные самолёты! Самолёты выпускали радужные полосы, медленно опадающие в высоких небесах. Тоскуя — складки на животе только-только удалось нарастить до толщины в два пальца — Валера догулял последний месяц, приехал в военкомат и получил направление в пехоту.

Пока командиры не узнали про сантехнические таланты Валеры, ему приходилось так же тяжело, как и всем. Изнурительная утренняя зарядка, долгий кросс вокруг военного городка, скудный завтрак, маршировка, рытьё окопов, ползание в противогazaх, подтягивание в сапогах и с автоматом за плечами, нищенские порции перловки с тушёнкой, ночные вахты — после таких тягот оставалось только лечь на койку и отключиться. А утром он и его товарищи по службе с отчаянием ощупывали опадающие животы, затягивая пояса всё туже и туже. Те, кого ждали на гражданке девушки, боялись им писать и старательно замалчивали просьбы прислать фотокарточку.

— Что, пузаны? — орал ротмистр, прохаживаясь перед понурым строем, — Вы думали, вам тут санаторий? Думали, вам тут жиртрест? Красавцы! Я с вас десять шкур спущу, рахитичные отродья! Солдат должен быть сильным! Это вам не школа красоты, боровы! Это вам не подиум и не эстрада! Всем отжиматься, жирные твари! Толстые сволочи! Раз! Раз! Раз!

Через полгода случай наконец помог Валере, и он виртуозно отремонтировал офицерский писсуар. Бравые лейтенанты заметили его мастерство, оценили, и он получил место при штабе. Но было уже поздно: бицепс и трицепс явственно оформились, а на животе непоправимо проступили кубики пресса.

4. Без особой надежды

С тех пор набрать нормальный вес Валере так и не удалось, сколько он ни старался. Вернувшись из армии, он несколько месяцев просидел дома, не устраиваясь на работу, мало двигаясь и усиленно питаясь, но всё тщетно. Тщетно мама готовила ему зажаренную салом картошку, жирные котлеты, сладкие пироги со сметаной, тщетно он каждое утро кушал гоголь-моголь и манную кашу на молоке, а перед сном выпивал два литра пива с огромной пачкой чипсов. Момент был упущен. Валера на всю жизнь остался непопулярно худым, и даже одежду ему приходилось покупать в специальных отделах «для стройных», смущённо называя свой размер пренебрежительно шутившимся продавщицам.

Отец Валеры в скором времени уволился с мебельной фабрики и переехал в родную деревню, где открыл свой маленький бизнес — ручное производство эксклюзивных бочек для элитных коньячных домов. Мама, после внутренней борьбы и душевных терзаний, тоже оставила книжный магазин и последовала за ним, посвятив себя домашнему хозяйству и огороду. Они звали к себе Валеру, но он остался в городе. В институт он поступить не смог, провалив и язык, и математику, а его узкоспециальными талантами на экзаменах никто не интересовался. Чтобы не изменять призванию, он устроился в жилищно-эксплуатационную службу. Родители не настаивали на переезде — они рассчитывали, что живя самостоятельно, в собственной квартире, Валера обзаведётся семьёй, порадует их внуками, а потом покрутится-покрутится, да и переберётся к ним. Семейное дело, пусть и небольшое, всегда лучше, чем работа на дядю или казённая служба. Главное — созреть до понимания этой простой истины, сынок.

Но годы летели, а Валера всё не женился и всё не пресыщался водопроводами. Сантехника нравилась ему, он не нравился женщинам. Такие уж были времена — стабильной работой и отдельной квартирой никого не удивишь, всем только красавчиков подавай. Валера смирился и не жаловался. Он исправно менял смесители во вверенном ему районе, ставил счётчики, прочищал трубы и знал наизусть все канализационные люки. Развлекался тем, что придумывал и рисовал новые модели унитазов, и даже иногда посылал их описания на заводы, но ни одного ответа не получил. Умеренно попивал пиво с приятелями, такими же обиженными генетикой «худышами». Некоторым из них везло больше, и на четвёртом десятке, методично тратя всю зарплату на мучное и жирное, им удавалось отрастить мало-мальски приличное брюшко и получить шанс на создание семьи. А остальные без особой надежды посещали по субботам вечера «для стройных» в Парке культуры и предавались меланхолии.

5. Да и хер с ним

Валера любил по дороге в парк выпить бутылочку светлого, чтобы поднять настроение. А уже в парке — как пойдет, можно добавить в баре. Он неторопливо шёл по аллее, потягивая пиво, завернутое в конспиративный пакетик, и понемногу откусывая от плетёнки копчёного сыра. Летняя танцплощадка располагалась недалеко от входа в парк и была огорожена от любопытных глаз зелёным жестяным забором, расписанным благопристойными граффити и рекламой аттракционов. Осенью площадка закрывалась, но каждый год в разное время, и Валера надеялся, что сегодня она ещё работает. Надо же им денег скосить напоследок. Тем более что бар под навесом и не мокнет. А как примешь на грудь чего покрепче, так и в дождик можно поплясать.

Гуляющих было мало — только молодые мамы с колясками и зонтиками, пожилые дамы с собачками и школьники с огромными ранцами. Продавцы сахарной ваты и надувных шариков прижимались к деревьям, тоскливо посматривали на часы. Вдалеке грохотали американские горки, слышались длинные визги — да, эта штука популярна в любое время года. Колесо обозрения застыло за полуголыми кронами. С танцплощадки доносились невнятные медленные ритмы. Отлично, значит работает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.